

Г. Аграновский

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЛИТВЕ

Еврейский Университет
1993 Москва 5753

Г. АГРАНОВСКИЙ

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЛИТВЕ

Государственный еврейский
музей Литвы

Еврейский университет в Москве

Москва
1993

Иерусалим
5753

Genrich Agranovsky
The Development of Jewish
Publishing Houses in Lituania

Published with assistance of
Saly Mayer Memorial Foundation
(Switzerland)

Научный редактор А. Рогачевский

Еврейский университет в Москве
ул. Моховая, д. 9.
Тел. 203-34-41.
Jerusalem, tel. (972)-2-244-486.

Историю еврейского книгопечатания в Литве в XIX-м столетии можно разделить на три периода. Первый из них начался в конце XVIII-го века, когда появились первые книги на древнееврейском языке, и продолжался до конца 1836 года, когда деятельность еврейских типографий была резко ограничена. С начала 1837 года в Литве (а до 1845 года и в Российской империи) действовала только одна еврейская типография. Этот период завершился в 1862 году, когда был снят запрет на деятельность типографий и начался бурный расцвет еврейского книгопечатания. Перед 1-й Мировой войной более 75 процентов типографий в Литве принадлежало евреям.

В данной публикации рассмотрены только первые два периода еврейского книгопечатания. Для подготовки публикации использованы, в основном, материалы Центрального Государственного архива Литвы (ЦГАЛ) и некоторые зарубежные издания.

Автор благодарит проф. Я. Элия (Нью-Йорк), проф. Л. Аран (Иерусалим), Ф. Брамсонайте, Л. Левитене, И. Зейфаса (Вильнюс) за содействие в подготовке публикации.

1. РОММЫ И НАХИМОВИЧИ

Евреям всего мира известны издания типографии Роммов, на протяжении десятилетий — крупнейшей еврейской типографии в мире. Почти полтора столетия она действовала в «Литовском Иерусалиме», как традиционно называли Вильнюс. Однако истоки этой типографии находятся не в Вильнюсе — а недалеко от него, в Гродно, который несколько столетий был одним из известнейших городов Великого княжества Литовского. Именно здесь в конце XVIII-го столетия судьба свела двух выходцев из Галиции Баруха бен Иосифа Ромма (1750—1803), основателя династии Роммов, и Нахима (Менахем Нахум), бывшего жителя галицийского городка Сокал, основателя династии Нахимовичей-Типографов.

«Отцом еврейского книгопечатания в Литве» считают Нахима. «Изучивший искусство отливания букв за границей, мой, Зимеля Типографа отец, Нахим, вместе со мной прибыл в Литву из Галиции в 1785 году... [по] приглашению одного из значительнейших литовских господ Тизенгауза; мы наследуя искусство отца... постоянными трудами и усилиями усовершенствовали оные...» — так пишут в одном из своих писем от 1837 года тогдашние совладельцы вильнюсской еврейской типографии Зимель (Симха Зимель) Нахимович и Манес (сын Баруха) Ромм [1]. Спустя три года после своего приезда Нахим издает первую еврейскую книгу в Литве «Семя Яакова» (комментарий к псалмам, подготовленный Яаковом, сыном Хаима Гакоена, раввином в Вистинцах, около Гродно) [2]. Эта книга была издана на древнееврейском языке в гродненской королевской типографии, издания которой отмечались аббревиатурой латинских слов «Typis S. R. M. R. Pol. M. D. Lit» [3, 4]. В издании этой книги Нахиму помогали два еврейских наборщика, один из них — его земляк из Сокала. Ему же помогали двое евреев — корректоров, среди них известный чтец Торы в гродненской синагоге Мониш [5]. Сведения о четырех евреях (кроме Нахима) в королевской типографии содержатся в разных изданиях, в частности, приводятся имена Иехескеля, сына Менахема-Нахума из Сокала, и его сына Арье-Лейбы [3, 5]. В 1789 году начал издавать книги Барух Ромм. В местечке Азеры, вблизи Гродно, он создал типографию, где печатал небольшие книги, как правило, без указания имени издателя, но с отметкой «Гродно». В тот же год он начал работать в королевской типографии, где в последующие годы издал ряд книг, среди них «Календарь на 2000 лет», «Мишна с комментариями» и др. В издании этих книг Баруху помогал его сын Манес (Менахем Ман) [2].

Печатание еврейских книг, ввиду высокого спроса на них, было выгодным делом. Наверное, по этой причине местный помещик Ян Ясинский (Яшинский) открыл в 1793 году в Гродно типографию, где в основном печатались еврейские книги. Компаньонами он взял двух еврейских книготорговцев — Баруха Ромма и Баруха, сына Гирша. Оба они в дальнейшем получили известность как издатели книг — один в Вильнюсе, другой в Новом Двуре (Польша). Известно, что в типографии Ясинского в основном перепечатывались книги, ранее изданные в Германии. За несколько лет работы эта типография издала 112 еврейских книг — количество по тем временам огромное! [2, 5].

Некоторые сведения о типографии Ясинского приводит в своем рапорте губернатору от 27.01.1804 года гродненский городничий Ильинский: «...в городе Гродне с 1793 по 1800 год содержал типографию шляхтич Иван Ясинский, по привилегии в том же году октябре в 19-й день... королем Станиславом Августом ему выданной..., которою позволено было Ясинскому всякие сочинения и книги... касающиеся до религии и обучения юношества и в распространении наук не только печатывать и выпускать в действие, но даже и продавать оные; но сколько именно и каких книг им было отпечатано, то того, за выездом его, Ясинского, из Гродны в 1800-м году (по другим данным, в 1799 году — *Г. А.*) с типографией в город Вильно на жительство, узнать невозможно» [6].

В 1799 году обе типографии — королевская, которая к тому времени стала диецизиальной (епархиальной), и Я. Ясинского переехали в Вильнюс. В том же году в этих типографиях были выпущены три еврейские книги, издателями которых были братья Арье-Лейб и Гершон Луриа, и Моисей, сын Менахема [7]. Называются также имена и других печатников [7, 8]. Известно, что в диецизиальной типографии в 1800 году была опубликована первая из изданных работ крупнейшего еврейского религиозного авторитета 18-го века Виленского Гаона (Элияху бен Шломо-Залман, 1720—1797) «Комментарий ко многим преданиям» [9]. В начале XIX столетия книги на еврейском языке выпускала и университетская типография.

Вместе с типографией Я. Ясинского переехали в Вильнюс Барух Ромм и его сын Манес (Менахем Ман). Вскоре Я. Ясинский разорился. Роммы стали печатать в Вильнюсе еврейские книги, но большая часть их типографии осталась в Гродно.

В 1803 году получает разрешение на создание собственной типографии в Гродно З. Нахимович. В объяснительном письме от 28 апреля 1803 года на имя литовского военного губернатора Л. Беннигсена советник «литовско-гродненского губернского правления» Зенон... (фамилию разобрать не удалось — *Г. А.*) сообщает, что в связи с уменьшением объема работ в типографии Плятера, «во уважение изъясняемых обстоятельств и, что он меньшую плату будет получать за напечатание, позволить ему завести в Гродне типографию на языках им описанных, кроме еврейского, до времени, по причине неимения цензора» [10]. Однако, несмотря на отсутствие разрешения, З. Нахимович начал печатание еврейских книг. В вышецитированном рапорте гродненского городни-

чего указывается, что «находится в городе Гродне две типографии, из коих 1-я... (содержится — *Г. А.*) Игнатием Врублевским..., а 2-я типография заведена здешними евреями Зимелем Нахимовичем, Хацкелем Мовшовичем и Зимелем Хацкелиовичем, собственным их коштом, по дозволению здешнего губернского правления прошлого 1803 года, апреля 20-го числа, на которую никаких привилегий не имеют, а печатают на языках русском гражданском и еврейском, и со времени заведения оной напечатали уже на еврейском языке книги под названием Сидер — 2000, Псалмов Давыдов — 1000, Терсафрем — 2000 и Библии — 2500 экземпляров» [6].

В этом документе мы не видим упоминания о типографии Роммов. Нет его и в списках вильнюсских типографий 1804 года, где показаны только 4 типографии — университетская, ксендзов базилиянов, ксендзов пияров и вышеупомянутая диецизиальная «при епархиальной семинарии, находящаяся в кляшторе (монастыре — *Г. А.*) Св. Георгия, которая по перенесении ее из Гродно в 1801 году (по другим данным, в 1799 году — *Г. А.*) восстановлена виленским епископом Коссаковским, в ней печатаются разные сочинения на российском, польском и французском языках» [11]. И в этом документе нет никаких упоминаний о еврейских книгах, печатавшихся в диецизиальной типографии.

В тот же 1803 год, когда З. Нахимович создает свою типографию, Барух Ромм умирает, и наследником его дела становится Манес. В документах Цензурного комитета за 1805 год он назван «заведующим гродненской типографии». В этих документах М. Ромм упомянут только один раз в связи с изданием еврейского календаря, зато дважды упомянут в связи с изданием еврейских книг руководитель диецизиальной типографии ксендз Лауданский (уникальный случай, когда католическая типография печатала еврейские религиозные книги!). Больше всех представил в цензуру еврейских книг — шесть — Зимель Нахимович. Он же был издателем наиболее крупной еврейской книги этого года — Библии с комментариями на 960 страницах. Еще одно издание Библии (на 548 страницах) было представлено в Цензурный комитет Абрахамом Якубовичем из Дубровни. По 4 еврейских издания были представлены гродненским издателем Риске Абрамовичем и копысским (Могилевская губерния) издателем Мареком Шмуйловичем, 2 издания — гродненским издателем Иосифом Мееровичем и одно — Элияшем Зелмановичем. Всего в 1805 году в Цензурный комитет было представлено 21 еврейское издание, в подавляющем большинстве — гродненских типографий [12]. Из вышесказанного видно, что в 1805 году издательская деятельность Зимеля Нахимовича по количеству изданий и их объему была значительно больше, чем у Манеса Ромма.

Постепенно количество еврейских типографий, подведомственных Виленскому Цензурному комитету, росло. Во 2-м десятилетии XIX-го века их было 11: в губернских центрах Вильно, Гродно и Минске, в «губернии Волынской городах: Острог, Славута, Судилково, Корец; в губернии Подольской — Могилев над

Днестром и в Меховцах, в губернии Могилевской — Копыс и Шклов...» [27].

Имеется очень мало сведений о деятельности М. Ромма и З. Нахимовича в начале XIX-го столетия. Несомненно, что типографы, знакомые еще по совместной работе их отцов в королевской типографии в Гродно, поддерживали между собой контакты. Предположительно в 1805—09 годах они создали совместную типографию в Азерах, где находилась также и литейная мастерская Зимеля. С 1815 года М. Ромм и З. Нахимович начали выпуск книг с грифом «Вильно-Гродно» [13]. Выпускались также книги с другими грифами (так, в журнале Цензурного комитета имеется запись № 240 от 21 июля 1838 года о книге «Путь к грамматике священного языка», изданной типографией «Зимель и товарищ» в 1825 году [14]). Наряду с общей типографией, компаньоны имели и отдельные типографии в Гродно (Зимель) и Вильнюсе (М. Ромм). Из изданий этих типографий известны «Комментарий к пасхальной Агаде» Виленского Гаона (Гродно, 1805) [15], «Комментарий к Зогару» (Вильно, 1810), книги вильнюсского раввина А. Данцига (1748—1820) по религиозному законодательству (Галахе) «Хай Адам» («Жизнь человека») и «Хохмат Адам» («Мудрость человека»). Последние две книги, изданные в Вильнюсе соответственно в 1810 и 1812 годах, затем неоднократно переиздавались в вильнюсских типографиях.

В конце 2-го десятилетия в Вильнюсе начинает работать еще один печатник — «еврей Берка Нейман». С его именем мы встречаемся в связи с попыткой вильнюсских евреев начать выпуск собственной газеты. Сведения об этом содержатся в письме министра просвещения и духовных дел князя А. Голицына к руководителю Виленского учебного округа Адаму Чарторыйскому (от 8.05.1817 года): «Господин управляющий министерством полиции... представил Комитету г.г. министров о дозволении еврею Нейману издавать газету на еврейском языке, изъясняя при том, что в 1813 году министр полиции докладывал Государю Императору во время похода о желании виленских евреев издавать газету на своем языке, на что последовало Высочайшее соизволение с таковым однакож условием, ежели Виленский еврейский кагал примет ответственность, что в означенной газете ничего не будет помещаемо неприличествующего; но кагал отозвался, что за перевод газеты на еврейский язык ответственность принять на себя не может, по причине той, что в переводах разные могут случиться ошибки, и по тому ныне типографщик еврей Нейман просит позволить издавать газеты на еврейском языке за цензурою Виленского университета...» [26].

Однако первое еврейское периодическое издание появилось в Вильнюсе только спустя 40 лет.

Наряду с книгопечатанием развивается и букволитейное искусство. Еще в конце XVIII-го столетия отец Зимеля, Нахим, основал в Гродно букволитейную мастерскую. Искусство своего отца усовершенствовал Зимель. В 1821 году он вспоминал, что отец его после смерти своего покровителя Антония Тизенгауза «пришел в убожество и ничего мне не оставил, кроме нынешнего моего

таланта. Беспрерывными моими трудами приобрел я то, что купил в Гродне дворец (дом — *Г. А.*) и заложил свою типографию и пока таковая существовала одна, то хотя с нуждою мог я себя содержать, ныне же с открытием в Гродно через Губернское правление другой типографии прихожу я в крайнюю бедность, ибо в столь малом городе две типографии содержать себя не могут». Далее в этом письме, направленном в адрес литовского военного губернатора А. Римского-Корсакова, содержится просьба о разрешении перенести свою типографию и «литейную фабрику» в Вильнюс. Про себя Зимель Нахимович пишет: «Я есть литейщик букв и имею свою типографию на разных диалектах, а именно: российском, польском, еврейском и немецком» [16]. К письму, подписанному «Зимель Нахимович, типограф и гиссер (литейщик — *Г. А.*)», он прилагает свидетельства «разных типографий, для коих отделывал я буквы» и Цензурного комитета. В этих «свидетельствах» приводятся доказательства высокого мастерства З. Нахимовича как литейщика букв. Так, университетский типограф Иосиф Завадский сообщает в документе, подписанном им 3 марта 1816 года: «Я, нижеподписавшийся, свидетельствую, что с 1806 года... имея нужду в отделке разных к печатанию букв для университетской типографии, просил я... Гродненского литейщика и типографа Зимеля Нахимовича, и он, Нахимович... показал на опыте совершенное искусство в отлитии печатных букв столь хорошо, что оные буквы разного рода писем, отлитые в университетскую типографию, ни в чем не уступают заграничным; а тем самым заслужил особенное уважение литовского просвещенного общества. Отлитие им в 1811 году букв в Варшавскую типографию тамошнего Правительства подтвердило происшедшее о нем мнение...»

Не менее интересно и свидетельство редактора газеты «Курьер Литовский» А. Марциновского: «Зимель Нахимович... войдя со мной в условие о изделании для меня новых к печатанию букв соответственно новым заграничным буквам таких писем, которые здесь еще не были употребляемы, не только все по контракту обязательства регулярно и аккуратно выполнил, но сделал столь красивые и в своей мере равные буквы, что совсем не уступают заграничным...» А ксендз К. Чаплиц, начальник «гродненских поветовых училищ», нашел нужным охарактеризовать другие черты З. Нахимовича: «...честный, справедливый, услужливый, и даже подобного между евреями трудно усмотреть...» [16].

В архивном деле хранится и еще одно «мнение» редактора Марциновского, где про З. Нахимовича говорится: «...яко литейщик весьма нужен в Вильне, где находится семь типографий и буквы выписываются или от того же Зимеля или из заграницы, а именно из Лейпцига и Кенигсберга... Образец букв его вырезывания довольно красив... ...А когда бы делал красивые буквы и из хорошего материала, то все типографии согласились бы скорее получать от него буквы, нежели выписывать из заграницы... Полезным было бы для города, если тот Зимель Нахимович со своими варстатами (фабриками — *Г. А.*) перенесся в Вильну». «Мнение» Марциновского особенно ценно не только как важное заключение

компетентного типографа и издателя, но и как содержащее сведения о количестве типографий в Вильнюсе. Из упомянутых им 7 типографий еврейские книги печатались в двух, М. Ромма и Б. Неймана, хотя последний в основном издавал книги «на европейских языках».

На свою просьбу о переносе типографии в Вильнюс З. Нахимович получил ответ, датированный 6 мая 1821 года: «Рассмотрев в 1-е, поданную ко мне от Вас просьбу о дозволении учредить в Вильне Собственную Вашу типографию и фабрику для выливания букв к печатанию. 2-е. Приложенную той просьбе пробу печати из вашей типографии, в Гродно ныне находящейся, я дозволяю вам завести здесь в Вильне типографию и фабрику выливания букв. Желательно очень чтобы сие художество принесло Вам выгоду, а для виленских типографий... было бы пользою в удобнейшем приобретении букв для печатания. На подлинном подписано Литовский военный губернатор Римский-Корсаков» [16].

Спустя 2 года, 26 июня 1823 года, З. Нахимович снова обращается с письмом к военному губернатору. В письме содержатся 2 просьбы: первая — «чтобы Виленские кагал,... также содержатели купецкой коробки никаких подачей и особых плат на меня не налагали (имеется в виду коробочный сбор — *Г. А.*)...», так как он платит налоги в Гродно, «где я с моим семейством состою по ревизии», и вторая — разрешить ему изготовить вывеску со следующей надписью: «Типография и многие буквы. Фабрика Гродненского обывателя Зимеля Нахимовича, привилегированные от начальства» [16].

Как следует из ряда более поздних документов (рассматриваемых во 2-м разделе данной работы), в Вильнюс в 1821—23 годах была переведена только часть типографии Зимеля. Ее руководителем стал его сын Мовша, а сам Зимель остался жить в Гродно.

По-видимому, после перевода в Вильнюс части своей типографии З. Нахимович организовал здесь самостоятельное печатание книг на «европейских» языках. К 1823 году относится письмо Зимеля к «светлейшему князю» Адаму Чарторыйскому. Зимель просит князя о разрешении печатать хозяйственный календарь. Это разрешение Зимель получил на 1825 год с условием, что если календарь будет сделан, то договор будет продлен еще на 10 лет [17]. Это условие было выполнено, так как известно об издании Нахимовичем хозяйственных календарей в конце 20-х годов, а также в 30—40-е годы (но уже совместно с Манесом, а затем Рубеном, Роммами).

Уже в 1824 году З. Нахимович владеет (совместно с М. Роммом) типографией в Вильнюсе, выпускавшей в дальнейшем книги под грифом «Манес и Зимель», хотя имеются сведения об отдельных самостоятельных изданиях З. Нахимовича (в основном, на польском языке) и в последующие годы и десятилетия. Свою типографию в Вильнюсе З. Нахимович зарегистрировал в декабре 1827 года под номером 648 [18]. В списках вильнюсских типографий за ноябрь 1824 года числится только одна еврейская типография «в доме Капитульном на Замковой улице под руководством Зимеля Нахимовича и Манеса Ромма» [19]. Здесь же указан его домашний

адрес — Жмудская улица. В другом месте этих же документов приводится более точный адрес типографии — поцессия № 185 (теперь ул. Пилес, 15). В списках 1828 года также приводятся сведения о типографии «еврея Манеса Боруховича, по свидетельству от 25 августа 1827 года за № 364, но она открыта еще в 1803 году, в ней находятся три станка, довольно хорошо устроены... в доме Важинского под № 269...» [20].

О деятельности еврейских типографов в конце 20-х годов XIX-го века мы можем получить представление по сохранившимся документам Цензурного комитета. В журнале Цензурного комитета за первую половину 1828 года [23], в записи, сделанной 22 мая, зафиксирована только одна книга (на польском языке), издаваемая в типографии «Манеса Ромма и Зимеля Нахимовича в Вильне и Гродне». В этом журнале упоминание о Нахимовичах встречается еще один раз — под № 2 за февраль 1828 года содержится запись о представлении книги на польском языке «Мовшей Зимелевичем, жителем Виленским». Сведения о типографии Роммов повторяются неоднократно, в связи с изданием книг как на польском, так и на еврейском языках. Учитывая наличие у Нахимовича крупной типографии в Гродно, можно предположить, что отсутствие сведений о нем в журнале Цензурного комитета объясняется тем, что все издания обоих типографов записаны только на имя Ромма, представлявшего также и Нахимовича.

В упомянутом журнале неоднократно встречается имя Б. Неймана — в связи с изданием книг на польском языке. В этом же журнале имеется запись о представлении на цензуру книги одного из основоположников российской Хаскалы И. Б. Левинзона (1788—1860) «Теуда бе Израел» (с отметкой 1830 года о ее издании), а в журнале за 1831 год — запись о представлении рукописи другого видного деятеля Хаскалы, вильнюсского жителя М. Гинцбурга (1796—1846) «Введение в всеобщую историю» (отметка об издании от 1832 года; в архивном фонде Цензурного комитета (ф. 1240) за первую треть XIX-го столетия сохранились журналы Комитета только за 1805, первую половину 1828 и 1831—32 годы). В журналах за 1831—32 годы имеются многочисленные записи книг, издаваемых славутскими типографами Шапиро, трижды в 1831 году упомянут шкловский издатель Шнеур. Три рукописи представил в 1832 году «Городышский житель, еврей Иосель Манделевич Шлиферж» (записи под номерами 21, 22 и 198) — дважды, по-видимому, один и тот же учебник арифметики (на польском языке) и одну рукопись на еврейском языке. В тот же год представил рукопись «еврей Берка Янкелевич Бгагож» («Сефер Маасе Раб, т. е. поступки раввина» — отметка об издании от 5 октября 1832 года за № 250). В журнале за 1832 год зарегистрированы также рукописи Айзика Бен-Якоба («Приятные растения», запись № 152) и «Сокращенная грамматика» — «сочиненная Мовшею Вольфовичем и распространенная Мордухом Берковичем Бакоэн» (отметка об издании от 23 ноября 1832 года). Чаще всего из еврейских типографов в журналах за 1831—1832 год встречаются имена М. Ромма и А. Дворжеца. Так, в 1832 году М. Ромм представил в цензуру 36 книг, из них 25 — на

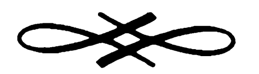
древнееврейском, остальные на польском (одна из них — на польском и французском). А. Дворжец представил в цензуру в тот же год более 50 книг — из них только 2 на древнееврейском, остальные — на польском. Большинство книг, представленных этими типографами, как свидетельствуют специальные отметки, были затем изданы [24].

Множество книг в Цензурный комитет представил в 1831—32 годах «виленский еврей Сетцер» (Зетцер). Так как ни в одном случае нет пометок об издании этих сочинений, то можно лишь догадываться о целях их представления в цензуру.

В Петербургском Центральном историческом архиве сохранились письма Сетцера и его жены от 1831—32 годов [25]. Из писем следует, что Сетцер договорился с Судилковскими и Острожскими типографами, что он будет представлять изданные ими книги в цензуру, а они за эту услугу будут выделять ему по 10 экземпляров книг каждого наименования. Сетцер пишет, что типографы свое обещание не выполнили. В отместку он обратился в Цензурный комитет с доносом, что у этих типографов, а также у «виленского книгопродавца Манеса Ромма» и минских книгопродавцев имеются запретные книги. С его помощью у Манеса было «найдено» 177 книг. Затем Сетцер направился в Минск, где ему ничего не удалось найти. В Минске Сетцер был арестован по обвинению в том, что самовольно уехал в 1827 году из Шклова без разрешения кагала. Дальнейшая его судьба неизвестна. Книги, найденные у М. Ромма, «из коих некоторые оказались вредными», в дальнейшем (в 1837 году) будут фигурировать как подтверждающие его неблагонадежность.

Известны данные, подготовленные Цензурным комитетом о количестве книг, изданных на еврейском языке в конце 20-х — начале 30-х годов XIX-го столетия (в скобках указывается количество томов): 1829 — 10(11), 1830 — 12(14), 1831 — 6(11), 1832 — 38(50), 1833 — 45(60); всего 111 книг (146 томов). Подавляющее большинство этих книг религиозного характера; только 2 из них авторами отчета отнесены к философским, 1 — к художественным, 3 — к историческим и 34 — к «полиграфическим» (по-видимому, объявления, речи) [21].

К концу первой трети XIX-го столетия количество типографий, принадлежащих вильнюсским евреям, увеличилось. К начавшему в 1829 году самостоятельную типографскую деятельность Абраму Дворжецу (Дворцу) [22] в 1833 году добавились Беньямин Ратенберг и Самуил Блюмович. Однако беда уже поджидала еврейских типографов, и она нагрянула в конце 1836 года — в виде царского указа.

2. СТАНОВЛЕНИЕ МОНОПОЛИИ

27 ноября 1836 года российский Сенат утвердил указ «О цензуре еврейских книг и о еврейских типографиях». Один из пунктов этого указа гласил: «Для облегчения надзора за Еврейскими типографиями все существующие ныне в разных городах и местечках уничтожить, оставя только две: одну в Киеве, а другую в Вильне, где просмотр Еврейских книг поручить особым цензорам...» В других главах указа евреям предписывалось все имеющиеся у них книги представить в течение года на проверку в Цензурный комитет; то же необходимо было сделать и с ввозимыми из-за границы книгами [28]. «Так подвергнута была цензуре вся старопечатная еврейская литература в подцензурных изданиях XVI—XVIII веков... Это оказалось очень трудным, и по ходатайству губернаторов царь разрешил (1837 г.) все эти книги „предавать сожжению на месте" в присутствии „благонадежных чиновников"... с представлением министру внутренних дел одного экземпляра каждой „истребленной" книги... Потянулись возы с арестованными библиотеками в Вильну и Киев, и еще много лет в цензурном заточении лежала трехтысячелетняя литература „народа книги", ожидая либо одобрения русского чиновника, либо казни через сожжение...» [42].

Запрет еврейских типографий был одним из многочисленных антиеврейских актов режима Николая I. Однако нельзя не отметить, что запрету способствовали обращения к правительству некоторых маскилим (евреев — сторонников светского просвещения), в частности, писателя И. Б. Левинзона и цензора В. Тугендгольда, стремившихся ограничить деятельность хасидских типографий. Об одном таком обращении вспоминал сам Тугендгольд в своем письме министру народного просвещения (1850 год): «В году 1831 подан мною особый рапорт о хассидейской литературе, вредной отрасли, прививкой древней Кабалы и мистики...

Эта литература ужасным образом расплодилась в нашей стороне от времени явления Бешта или Израиля Бал Шем Тов, основателя ее в Подолии, в первой половине последнего столетия... Побужденное этим рапортом тогдашнее министерство Народного просвещения приказало, чтобы все таковогo рода сочинения доставляемы были своими властителями в цензуру. И так отобрано было тогда множество экземпляров следующих сочинений...» (далее Тугендгольд приводит список книг из 19 наименований, изданных в типографиях Шклова, Бердичева, Могилева, Славуты и т. д.) [45].

Письмо В. Тугендгольда от 1831 года сохранилось в Петербургском Центральном историческом архиве. Оно является яркой

иллюстрацией конфликтных отношений, сложившихся между еврейскими просветителями и хасидами. В письме Тугендгольд на примере Австрии объясняет, как, по его мнению, необходимо бороться с «вредными книгами» хасидов. В частности, он пишет: «В губерниях Волынской и Подольской, почти во всяком местечке находятся типографии еврейских сочинений. Из них знаменитейшие в Славуте, Остроге, Судилкове, Меджибоже; в сих то типографиях, равно как в Шкловских, Бердичевской и Полоннской ни одна еще полезная книга не издана. Типографии сии как бы гнездилища кабалистических и мистических сочинений...» [48].

Одним из формальных поводов для запрета послужил возникший в 1835 году конфликт между Роммами и владельцами крупной еврейской типографии в Славуте (Волынь) Шапиро из-за печатания Вавилонского Талмуда — издания престижного, многотомного и доходного, ранее уже трижды выходившего в Славуте. В конфликт были втянуты многочисленные раввины и руководители еврейских общин (в итоге право издания было передано в Виленскую типографию, где оно и было осуществлено в 30—50-е годы).

Указ 1836 года был дополнен распоряжением 1841 года, уточнявшим, за чей счет должна осуществляться пересылка книг: «...Не одобренные же предать сожжению, с доставлением по 1-му экземпляру уничтожаемого сочинения в министерство внутренних дел... Пересылка не должна упадать за счет казны, то и подвергнуть сей мере только книги тех лиц; кои примут на себя необходимые по сему расходы; с книгами же, владельцы коих не изъяснят на то согласия, поступать так, как бы они признаны раввинами вредными...», т. е. сжигать. [45].

По сведениям С. Блюмовича, в это время (1836 год) в Российской империи было 30 еврейских типографий [29]. В Вильнюсе книги на еврейском языке издавали «Манес и Зимель«, а также А. Дворжец (Дворец), Б. Ратенберг, Б. Нейман и С. Блюмович [30]. Всего в Вильнюсе в 1836 году было 9 типографий.

Началась борьба за право содержания еврейской типографии, при этом каждый претендент старался доказать, что у него больше всего заслуг, и всячески очернить своего конкурента. Одним из основных претендентов был вильнюсский кагал. В своем письме Виленскому военному губернатору князю Н. Долгорукову от декабря 1836 года руководители кагала Хаим-Нахман Парнес, Янкель Элиас, Ицко Данциг, Гирш Каценеленбоген и Михал Жижмор просили передать им право на содержание типографии в Вильне и Киеве, обещая дополнительно выделить «в пользу евреев... или на другие полезные заведения ежегодно по 10000 рублей ассигнациями». В конкурентной борьбе участвовали также крещеный еврей, содержатель университетской типографии, Теофил Гликсберг (Глюксберг), гродненский типографщик Янкель-Хацкель Розенблюм. В поддержку Розенблюма выступил гродненский кагал, приславший свидетельство о том, что «печатанные в его типографии книги ничем в красоте не уступают преславнейшим изданиям других сего края типографий» [31]. Несколько позже заявили о своем желании

продолжить издания еврейских книг типографы Б. Ратенберг, Б. Нейман и С. Блюмович.

Однако основными конкурентами были А. Дворжец и компаньоны М. Ромм и З. Нахимович-Типограф. (Согласно «Положению о евреях» 1835 года [43], все евреи должны были принять фамилии. З. Нахимович и его сыновья приняли фамилию Типограф.) В большом письме на 7 страницах от 26.12.1836 года компаньоны указывали, что их типография существует уже около 50 лет, отмечая, что они «в городах Вильне и Гродне, где печатаются разные дела, главные на еврейском, а также на российском, польском, немецком, греческом и французском, порознь и вместе диалектах, привели оные заведения до такой степени совершенства, что сделали оные известнейшими не токмо в Империи, но и за пределами оной... не уступая славнейшим заграничным типографиям», что «склонило многих заграничных обывателей... выписывать книги нашей типографии себе за границу, от коль издревна бывало выписывали в Россию...» Далее компаньоны сообщают, что у них имеется «в Вильне и Гродне... 18 станков и около 600 пудов букв» и что 12 станков гродненской типографии расположены в 19-ти верстах от города в местечке Азеры (Езиоры), принадлежащем помещику Валицкому. Компаньоны также отмечают, что в «печати у них находятся сочинения: 1-е. Талмуд Вавилона с Алфесом (Алфаси Ицхак бен Яаков (1013—1103), первый из крупных кодификаторов Талмуда — *Г. А.*) в 15-ти томах, заключающий в себе каждый экземпляр Талмуда с Алфесом около 3-х листов; 2-е. Сокращение Талмуда (Ейн Яков) в 3-х томах; и 3-е. Все Пророки (Святое писание) в 6-ти томах». Компаньоны далее указывают, что они «имеют 2500 подписчиков на Талмуд, серди них 800 из-за границы» и что «от всех их получен задаток, а для завершения издания им требуется 5 лет». М. Ромм и З. Нахимович-Типограф просят «от имени своих и семейств наших, а равно голосом рыдания сотни лиц, со жребием нашим сопряженными» разрешить работу их типографии [31].

Одновременно (21 декабря 1836 года) М. Ромм и З. Нахимович-Типограф подали заявление, чтобы «Виленский Цензурный комитет удостоил нас свидетельством своим, что мы по цензуре ни в каких злонамеренных делах не замечены и выполняем все повеления начальства с точностью» [32].

Из сохранившегося черновика ответа Цензурного комитета, помеченного тем же днем (21 декабря 1836 года), видно, что такое свидетельство им не удалось получить; так как «такого рода свидетельства из цензуры частным лицам не выдаются» [33]. Однако 10 февраля 1837 года Цензурный комитет подготавливает письмо Виленскому губернскому правлению, где сообщает, что «у виленского типографщика Рома (фамилия „Ромм" писалась первоначально с одной буквой „м" — *Г. А.*)... по доносу от 26 июня 1830 года живущего в Вильне еврея Давида Зетцера» забраны книги и что «некоторые из них безвредны, а другие заключают в себе непозволенные мысли и печатаны в типографиях Судилковских, Острогских, Копысских и других типографщиков...» Далее в пись-

ме говорится, что в связи с найденными у них книгами «Манес Ром, а тем более Зимель Нахимович ни под судом, ни под следствием не находятся». В конце письма указывается: «По делам Цензурного комитета видно, что типографщики товарищи Зимель и Ром точностию в исполнении правил устава о цензуре превосходят всех виленских типографщиков еврейских книг и их типография несравненно обширнее, совершеннее всех прочих» [33].

3. Нахимович обратился также за поддержкой к гродненскому губернатору. Сохранилось письмо Нахимовича, зарегистрированное 3 марта 1837 года. В этом письме Нахимович просит губернатора о протекции. Он отмечает, что «у бывшего до того у меня на службе еврея Абрама Ицки Двореца пять ветхих типографических станков и до 40 пудов букв» и что «за привозом всех моих отлично отделанных станков из Езиор в Вильно... имею в Вильно... 18 станков и более 600 пудов букв, кроме изящных инструментов на словолитие, на приготовление коих собственными трудами посвятил я целый свой век, и плодами оных с удовольствием пользуются все почти типографии как сего края, так и Царства Польского...» [34].

Гродненский гражданский губернатор Григорий Гаврилович поддержал просьбу Нахимовича. В своем письме князю Долгорукову он дает лестную характеристику своему протеже: «Зимель Нахимович есть тот самый, в искусстве коего и заслугах, оказанных им в здешнем крае... удостоверясь лично, предместник мой г. генерал-майор Муравьев, входил с представлением, о сопричислении его с семейством, в почетное гражданство...» [34].

Переписка о возведении З. Нахимовича в почетное гражданство продолжалась до 1842—43 гг. Несмотря на самые лестные отзывы о Нахимовиче со стороны высших виленских и гродненских чиновников, из канцелярии Кабинета Министров ответили, что «...почетное гражданство может быть даровано евреям, не по рассмотрению прав их (т. е. не по наличию заслуг — *Г. А.*), но единственно по одной Монаршей милости, как награда чрезвычайная...» [49]. В конечном итоге «...Государь Император Высочайше повелеть соизволил дать Нахимовичу медаль» [50].

4 марта 1837 года З. Нахимович и М. Ромм пишут еще одно прошение. В основном повторяя свое прежнее письмо, они добавляют, что их типография «стоящая до 12 тысяч рублей серебром, смело может служить залогом требуемой начальством верности в правильном печатании книг».

Далее они сообщают: «Стараются обвинить нас в печатании назад тому более 10 лет, когда Дворец был у нас на службе, каких-то афиш для здешнего торговца Ла-Ривьера, но мы этого не делали и ничего об этом не знаем... выправка же уездного суда доказывает, что и Дворец прикосновен к этому делу, однако Дворца типография теперь действует... а наша типография... по проискам Дворца опечатана, 18 станков стоят без действия и до 100 человек работников изнуряются недостатком...» [35].

По-видимому, в те же дни Роммом и Нахимовичем было подано еще одно прошение, в котором они сообщают о «неблагонадежно-

сти» А. Дворжеца и его компаньона Ниселя Розенталя. О себе же они пишут: «о нашей совершенной благонадежности и способности представили мы в здешнее губернское правление довольно достаточные свидетельства всего в 35 штуках...» [35].

Активно включился в конкурентную борьбу и А. Дворжец. В своем письме виленскому военному губернатору от 8 декабря 1836 года он сообщает, что «по предписанию Виленского гражданского губернатора... господин полицмейстер... находя во-первых: меня и означенную мою типографию... в благонадежном виде... и большею пред всеми прочими,... в том числе по сравнению с здешними еврейскими типографщиками... Манесом Ромом и сотоварищем его Зимелем Нахимовичем... Во-вторых, что оба сии евреи типографию свою, в которой печатают еврейские книги, имеют не здесь в Вильне, но вовсе Гродненской губернии в местечке Азиоры, которая по самому тому своему местоположению, за силою реченной Высочайшей воли, подлежит прямому уничтожению... Его Превосходительство (гражданский губернатор — *Г. А.*)... передавая такое представление на законное положение в Виленское губернское правление, изволили до воспользования от онага разрешения, предписать г-ну полицмейстеру, типографию мою от опечатания освободить... что и исполнено...» Далее Дворжец пишет, что он готов за предоставленное ему право содержания типографии обеспечить в дальнейшем бесплатное печатание «книг, таблиц и ведомостей для сельских запасных магазейнов», за что он «в прошлом 1836 году получил в плату до 2000 руб.» и просит губернское правление «уповательно сделать свое постановление» [36].

В письме Дворжеца содержатся по крайней мере два ложных утверждения: 1) его типография крупнее типографии Ромма и Нахимовича, 2) М. Ромм и З. Нахимович не печатают книг в Вильнюсе.

Не довольствуясь обращением к губернатору, А. Дворжец, совместно с С. Блюмовичем и Б. Ратенбергом, в декабре 1836 года пишет прошение на имя министра народного просвещения графа С. Уварова. Просители указывают, что занятие типографским делом является для них единственным способом заработка и «...заведение нами типографий для напечатания еврейских книг стоило нам значительных капиталов и немалых трудов». Далее они сообщают «...один здесь, тоже типографщик, по имени Ман Ром, хотя есть привилегированный, но по настоящему есть он только содержатель типографии, ибо для него работают нанятые люди, но кроме сей типографии имеет он, Ром, тоже обороты коммерческие и другие источники...» [47].

Все заявления претендентов были рассмотрены на заседании губернского правления 4 марта 1837 года, а результаты обсуждения — представлены виленскому военному губернатору письмом от 10 марта 1837 года. В архиве сохранилась выписка из журнала губернского правления [37], а также почти полная чистовая копия этого документа [38]. В этих документах очень подробно пересказаны заявления, поступившие от претендентов на содержание

типографии, и дается анализ «достоинств и недостатков» всех соискателей.

Губернское правление отказало руководству кагала («первейшим и почетнейшим членам кагала») на том основании, что они, будучи «представителями Еврейского Общества, могут иметь некоторое влияние на образ мысли своих единоверцев и на возвышение иногда цен в продаже еврейских книг. Притом же кагальные имеют свои служебные обязанности и по сему случаю Правление считает неуместным предоставить им право на содержание типографий».

Гликсберг и гродненский житель Янкель Розенблюм получили отказ «потому, что первый не занимается печатанием еврейских книг и не представил о себе никаких доказательств, а последний никому здесь не известен и тоже не представил о благонадежности своей подходящих свидетельств». Члены губернского правления, конечно, не знали, что Гликсбергу протежирует в Петербурге граф А. Бенкендорф, всесильный шеф жандармов и начальник тайной полиции. В своем «секретном, лично в руки» письме министру С. Уварову от 31.12.1836 года он положительно характеризует Гликсберга и дает совет «...не торопиться отдачею типографии, но прежде нужно уничтожить ныне существующие...» По-видимому, считая, что Цензурный комитет недостаточно активно борется с крамолой, он утверждает, что «...все зло состоит в цензуре еврейских книг, за большие деньги все позволительно печатать» [47]. Губернское правление отмечало, что от Янкеля Розенблюма уже после принятия решения поступило новое заявление с представлением свидетельств «Гродненского еврейского кагала и тамошнего городского магистрата о благонадежности и искусстве просителя». Также отмечается, что поступило заявление «Гродненского типографщика Хацкеля Абрамовича, с изъяснением, что так как типография товарища его Розенблюма устроена его трудами, потому ходатайствует утвердить оную не за Розенблюмом, но на имя просителя».

Больше всего страниц в документах Губернского правления уделено типографской деятельности М. Ромма и З. Нахимовича. В решении губернского правления излагается содержание их писем и отмечается ряд «негативных» сторон их деятельности, в частности:

«а) Манес Ром состоял под судом за передержательство с 1812 года беспаспортного еврея...

б) Зимель и Манес состоят ныне под судом за подделку афишек об ароматических водах...

в) в 1830 году по доносу еврея Зетцера, забраны были у Манеса книги, из числа коих некоторые оказались вредными и по большей части с ложным одобрением цензуры. Но все сии книги печатаны не в типографии Манеса...»

И хотя в решении повторяется вывод Цензурного комитета, что «Зимель и Манес точным исполнением правил устава о цензуре превосходят всех виленских типографщиков и что их типография обширнее и совершеннее всех прочих», однако с учетом всех

сведений о них «Правление не соглашается дозволить Зимелю и Манесу содержать в Вильно еврейскую типографию» [37, 38].

Далее, в отношении Дворжеца и Розенталя отмечается, что, по засвидетельствованию полицмейстера, оба они «весьма хорошего поведения и состоятельны, типография Дворца самая обширнейшая, сам он один из исправнейших и по образу мыслей и правилам подает более прочих надежды в благонамеренности. По сему поводу дозволено уже Дворцу иметь типографию впредь до утверждения губернским правлением». Указывая, что о Дворжеце имеются положительные свидетельства и что он «обязывается содержать типографию в наилучшем виде» и «печатать на свой счет для сельских запасных магазейнов... таблицы, книги и прочее на сумму... до 2 тысяч рублей... правление полагает справедливым предоставить им право содержать в Вильне еврейскую типографию» [37, 38].

Вывод губернского правления представляется совершенно не обоснованным, так как из анализа приведенных в том же решении сведений о «благонадежности» А. Дворжеца видно, что в этом отношении он не имел никаких преимуществ по сравнению с другими претендентами. Что же касается объемов типографской деятельности, то и по этому важнейшему показателю он явно уступал Ромму и Нахимовичу. Естественно, что последние не согласились с решением губернского правления. Только во второй половине марта — в апреле 1837 года они представили военному губернатору и в Цензурный комитет 4 письма, где доказывали свою благонадежность и пытались подвергнуть сомнению наличие таковой у Дворжеца. По-видимому, им удалось убедить губернатора или, по крайней мере, вызвать у него определенные колебания.

1-го мая 1837 года в Цензурный комитет поступил запрос канцелярии виленского военного губернатора: «Благоволить оный комитет уведомить сию канцелярию в возможной скорости о степени благонадежности типографщиков: Зимеля Нахимовича, Манеса Рома и Абрама Дворца, к дальнейшему содержанию еврейской типографии и с какой стороны лица сии доныне известны Цензурному комитету» [39].

5 мая виленский Цензурный комитет отправил в канцелярию губернатора ответное письмо, которое стало определяющим в решении затянувшегося спора. В письме сообщалось: «1. Из означенных лиц товарищи Манес Ром и Зимель Нахимович-Типограф благонадежны, ибо до сих пор они не замечены ни в чем, за что бы можно было лишить их права содержать в Вильне еврейскую типографию, при том же типография их существует с давних времен, очень обширна, усовершена и имеет свою словолитню. 2. Дворца комитет считать благонадежным не может, поелику он в 1830 году отпечатал без дозволения цензуры еврейское сочинение Малот Гатора... при том же еврейская типография его существует, как видно из дел комитета, только или с 1830, когда он напечатал означенное сочинение без дозволения цензуры, или с 1836, когда он начал представлять в цензуру еврейские сочинения, отпечатанные им по дозволению. (Здесь неточность. Из регистрационного журнала Цензурного комитета за 1831 год видно, что

А. Дворжец получил разрешение на издание двух еврейских книг (записи в журнале за №№ 225 и 226) — *Г. А.*) Кроме сего, типография его должна быть очень незначительна в сравнение с типографией Рома и Типографа, ибо в 1836 году он отпечатал только шесть еврейских сочинений и то так малых, что все они взятые вместе составляют не более 20 печатных листов, между тем, как в том же году Ром и Типограф выпустили из своей типографии пятнадцать сочинений, из которых первые три части Талмуда так велики, что каждая из них состоит из 150 печатных листов...» [39, 40].

К этому документу Цензурного комитета приложена копия письма виленскому гражданскому губернатору от 29 апреля, где вопрос о еврейской типографии рассмотрен более подробно. В частности, сообщается, что о нелегальном издании А. Дворжецом еврейской книги «Малот Гатора» «дал знать комитету 12 ноября того же года, представив и самое сочинение» виленский типографщик Блюмович [40]. Интересная деталь, характеризующая отношения и конкуренцию между еврейскими типографиями!

7-го мая 1837 года губернское правление подготовило документ под названием «О восстановлении в Вильне еврейской типографии Зимеля Нахимовича и Манеса Ромма с правом печатания еврейских книг, по установленным правилам цензуры». Документ описывает отдельные стадии определения «избранной» типографии, начиная с указа Сената, и механизм этого процесса. Ниже приводятся отдельные выдержки из этого документа: «Правление... в посылаемых Виленскому полицмейстеру указах присовокупило дабы он из числа еврейских типографий в Вильне оставил одну, токмо которая по усмотрению и одобрению его, полицмейстера, может иметь свое существование... Полицмейстер донес, что все еврейские типографии в Вильне уничтожены, из коих может быть оставлена принадлежащая еврею Дворжецу, коему дозволено печатать еврейские книги впредь до утверждения одной здесь еврейской типографии. По правилам рассмотрев такой рапорт и все вступившие по настоящему делу от евреев Дворжеца, Зимеля Нахимовича, Ромма и других просьбы с документами и собрав по заключавшимся в деле сведениям справки... [правление] ...представляло 10-го истекшего марта за № 194 разрешение его Сиятельству г. Военному губернатору... Его Сиятельство, рассмотрев все обстоятельства... и потому, что Виленский Цензурный комитет удостоверяет в совершенной благонадежности типографщиков Зимеля Нахимовича и Манеса Ромма к дальнейшему содержанию еврейской типографии, от 27-го истекшего апреля за № 2603 предлагает губернскому правлению оставить в Вильне одну только еврейскую типографию упомянутых Зимеля Нахимовича и Манеса Ромма, как давнейшую, обширнейшую, и по внутреннему устройству гораздо лучшую. Прочие же согласно вышеозначенному Высочайшему повелению немедленно уничтожить...

...Выдать им, Зимелю Нахимовичу и Манесу Ромму, на право содержания ими в Вильне еврейской типографии установленным порядком свидетельство из сего правления с тем, чтобы они занимались печатанием тех только книг, какие дозволяемы будут

цензурою и, чтобы существующие о том узаконения и правила исполняемы были ими во всей точности, прочие же типографии, в том числе и типографию Дворжеца, которому дозволено было, впредь до окончательного разрешения настоящего дела печатать еврейские книги, на основании Высочайшего повеления, изъясненного в указе Правительствующего сената от 27 ноября 1836 года, уничтожить и о немедленном исполнении сего распоряжения послать указы Виленским полицмейстеру и городской полиции, с тем, дабы в течение трех дней донесли правлению, что кроме типографии Зимеля Нахимовича и Манеса Ромма, других в Вильне еврейских типографий по уничтожению уже нет...» [41].

Так началась монопольная деятельность типографии Роммов — единственной, до 1845 года, а с 1845 по 1862 год — одной из двух еврейских типографий на 16 губерний черты оседлости, где проживало около половины всего мирового еврейства (в России, включая Царство Польское в 1825 году проживало 1,6 млн. евреев; во всем мире — 3,28 млн. [24]).

3. МОНОПОЛИЯ

В условиях отсутствия конкуренции Ромм и Нахимович быстро расширили свою типографию. Вот что сообщал виленский военный губернатор министру внутренних дел в письме, помеченном 12 марта 1840 года, в связи с намерением компаньонов получить разрешение на содержание еврейской типографии в Киеве: «...Ныне помянутые евреи вошли ко мне с прошением, в котором объясняют, что... сообразуясь с нуждами еврейского народа в молитвенных, библейских и других еврейских книгах, они устроили в Вильне столь обширную типографию, что подобная ей редко где находится. По особому условию, собственно для типографии возведено одно из примечательнейших в городе Вильне каменное здание*, с огромными залами, каменными амбарами, сараями и другими принадлежностями; в ней 25 станков вошло уже в действие с значительным количеством букв до 1200 пудов и рабочих с наборщиками, переплетчиками и служителями, коих считается до 200 человек! Но как по упадку промышленности, сбыт еврейских книг весьма уменьшился, так что далеко не соответствует значительности капиталов, издержанных на приведение типографии в нынешнее ее устройство, то они, в феврале 1939 года, обратились с просьбою к бывшему господину Министру внутренних дел о дозволении им завести и в Киеве типографию, к учреждению коей... они располагают большими, нежели другие, средствами, а потому, выгоднее могут продавать книги для пользы еврейского народа. По сим уважениям испрашивают ходатайство... о предоставлении им права на другую еврейскую типографию, где бы она не была назначена, в Киеве ли, или в другом месте...» [51].

Итак, мы видим что всего за 3 года Ромм и Нахимович увеличили число станков с 18 до 25, букв — с 300 пудов до 600, работников — со ста до двухсот. У компаньонов появились далеко идущие планы насчет заведения второй еврейской типографии. Но в эти планы вмешалась судьба...

Цитированное выше письмо о расширении объемов типографской деятельности датировано 12 марта, а в ночь с 13-го на 14-е марта еврейская типография сгорела. Убыток по первоначальным подсчетам составил 197 тысяч рублей (в дальнейшем, после уточнения, указывается сумма убытка в «более 160 тысяч рублей»).

---

* Типография Роммов в конце 30-х годов XIX-го века находилась в поцессии (городском участке) № 327 (теперь ул. Шаулю, 6). Им же еще в 1837 году принадлежала частично поцессия № 325 — «часть Манеса друкарня» [68], часть этой же поцессии принадлежала Мовше Антокольскому (возможно, отцу известного скульптора?) [68].

Виленский полицмейстер в письме гражданскому губернатору от 16 апреля 1840 года отмечал: «Жертвою сего пожара был работник типографии Мовша Редзюнский, и истреблено все типографическое заведение, состоящее из 25 станков с принадлежностями... Дабы не приостановить снабжения необходимыми книгами еврейский народ и избавиться от предстоящего невинного банкротства, типографщики с компаньонами, собрав оставшееся достояние, начали возобновлять типографию и уже семь станков находится в действии...» [52] В этом же документе указывается, что компаньонами основных владельцев типографии состояли купцы Борух Рыдзюнский, Элияш Кенигсберг и Гисель Сиркин (отец впоследствии известного впоследствии книгоиздателя Абеля (Альберта) Сыркина). Через 2 года, 14 октября 1842 года Зимель и сын умершего в 1841 году Манеса Ромма Рубин (Иосиф-Реувен) пишут: «...после случившегося в типографии нашей в марте 1840 года пожара, истребившего в ней все книги, станы и прочее и причинившего нам с компанией потери более 160 тысяч рублей серебром, мы восстановив вновь оную весьма усиленными мерами,... не можем... распродавать своих книг...» Причиной возникших трудностей компаньоны считают массовый ввоз книг из Царства Польского, куда «волынские типографщики, коих типографии уничтожены... в особенности типографщики славутские Волынской губернии», перевели типографии свои. Далее они указывают, что «в Царстве Польском, вместо бывших весьма мало еврейских типографий... умножалось в большем числе и вместо ввозимых оттуда в Россию в огромных массах еврейских книг, вывозят из России в Царство значительные бедного еврейского народа капиталы... Мы осмеливаемся покорнейше просить... о запрещении привоза в Россию из Царства Польского печатанных еврейских книг, по крайней мере молитвенных и комментарных...» [53]. Однако, как сообщает в июне 1843 года С. Блюмович, «содержатели в городе Вильне еврейской типографии, сын покойного Манеса, Рубин Ромм и Зимель, чрезвычайно обогащаются в оной...» Далее Блюмович сообщает, что цена одного печатного листа в изданиях еврейской типографии — 1,5 коп., в то время как в изданиях других имеющихся в Вильне 9 типографий — около 0,5 коп. «За всем тем, сказанные Ромм и Зимель не довольствуясь неописанною фортуною... содержат еще типографии иных языков: Зимель в городе Гродне, а Ромм в г. Вильне и сверх того сын Зимеля Мовша новую учредил в прошлом 1842-м году в г. Вильне, таковую же иностранных языков типографию... они еще намерены и в губернском городе Ковне учредить типографию краевых и иностранных языков...» [54]. Эти же сведения Блюмович повторяет в другом своем письме от 30 июля 1843 года, жалуясь на создание новых типографий «сыном умершего в 1841 году Манеса Ромма и старцем 78-летним Зимелем» [55]. Можно предположить, что после смерти М. Ромма между наследниками типографии начались трения, приведшие к основанию ими в Вильнюсе самостоятельных типографий при наличии некоторое время общей еврейской типографии. Это предположение подтверждается сведениями, содержащимися

в списке виленских типографий 1844 года. В этом документе указаны типографии Зимеля Нахимовича, его сына Мовши, Рубина Ромма и некоего мифического «еврея Зимеля Нахимовича Манеса Ромма» [56]. Кроме того, в списке числятся типографии А. Дворжеца и С. Блюмовича и три типографии, принадлежащие христианам — дворян Завадских, титулярного советника Марциновского и «варшавского уроженца Феофила Гликсберга» (сына вышеупомянутого Натана-Николая Гликсберга). Существовавшая ранее типография Б. Неймана прекратила свою деятельность вскоре после его смерти в 1841 году.

Сохранившиеся архивные документы дают достаточно четкое представление о характере изданий, выпускаемых компаньонами в конце 30-х—начале 40-х годов. Большую часть книг составляли религиозные издания, и лишь немногие из изданний имели светский характер. Среди рукописей, проверенных цензурой в 1837—38 годах, это были «Эфес Дамим» («Довольно крови») И. Б. Левинзона (рукопись представил поверенный автора М. Натансон; издано в 1837 году), сочинение по математике Носеля Шлифержа (Шлифера), «История России для еврейского юношества» Г. Амстердама (издано в 1839 году), сочинения Л. Яновича, Изр. Гордона и других. «Минский еврей Я. Каплан» представил дополнение к сочинению С. Левизона «Мехкере Эрец» («Библейская география»,— издано в 1839 году), а виленский купец Гершон Клячко — рукопись своего 13-летнего сына Юделя (Юлиана) Клячко «Минхат Тода, т. е. жертва признательности». В том же, 1838 году, она была издана. Это была первая книга будущего известного польского публициста и общественного деятеля [70].

В 1841—42 годах цензурой были проверены 2 рукописи М. Гинцбурга: «История рода человеческого, т. 2» и «Французы в России или история войны 1812 года» (издана в 1842 году), рукопись С. Финна «Пирхей Цафон» («Северные цветы»), изданная в 1841 году, несколько рукописей В. Тугендгольда на немецком и еврейском языках. Рукописи также представили М. Розенталь, «еврей Шаул Мисилевич из Шавлят», «трокский житель, караим Лаврецкий», Л. Гермайзе (издана в 1842 году), Ц. Ландо (издана в 1841 году), З. Сегалович, С. Залкинд (издана в 1842 году), доктор М. Лилиенталь («Маггид Иешуа», издана в 1842 году), А. Бен-Якоб (издана в 1842 году).

В эти же годы виленский еврей Гокиель (Иохиель) Магат представил рукопись по юриспруденции (издана в 1841 году), Цемах Иосеф Каценеленбоген — «Мехонат Гагахтара, т. е. паровая машина», а «виленский мещанин Янкель Липманс» — «Ям Гагадол, т. е. великое море Океан». Из сведений, приводимых в журнале Цензурного комитета, не ясно, были ли эти книги изданы. Среди изданных сочинений числятся переведенная с немецкого книга Ф. Павлицкого «Морис Лоом, т. е. медицина для деревенских жителей» (перевод И. В. Элиасберга). Интерес представляют также издания «полиграфического» жанра об открытии в 1841 году первых в Вильнюсе еврейских училищ — среди них объявление Л. Гермайзе «Об отдаче детей еврейских в вновь учрежденное для

юношества онаго училища» и речи Г. Клячко и общественного раввина Изр. Гордона на открытии другого училища, «учрежденного в городе Вильне М. Гинцбургом и С. Залкиндом под ближайшим надзором купца Клячко в 25 день июня 1841 года». В том же году было издано объявление известного ученого и изобретателя, «белостокского мещанина» Зелика Слонимского о выходе в свет математического сочинения «Есоде Талемудсиот». Среди книг, изданных в 1841 году, числится и роман «Мордух и Эстер», переизданный с издания «Манеса и Зимеля» 1835 года — первое упоминание в архивных документах о еврейской художественной прозе [71]. По-видимому, это был не роман в современном понимании, а изложение популярной библейской истории. В 40-е годы XIX-го века этот «роман» переиздавался еще не менее двух раз (в 1844 и 1848 годах).

В журнале Цензурного комитета за 1843—44 годы неоднократно встречается имя М. Гинцбурга. Цензурой рассматривалась изданная еще в 1835 году его книга «Кирият Сефер, т. е. Собрание еврейских писем для юношества» (переизданная в 1847 году) и 4 рукописи: «Двир, т. е. Собрание прозаических сочинений» (издано в 1844 году), «Освобождение Европы, т. е. Русская, немецкая и французская война в 1813—15 годах» (издано в 1846 году), «Еврейская грамматика» и «Забавная повесть в стихах». Второй том альманаха «Пирхей Цафон» (запись от 29.07.1843 года) представил С. Финн, а дополнение к этому альманаху (запись от 14.12. 1843 года) — Маркус Натансон (альманах издан в 1844 году). Среди авторов, представивших рукописи, мы видим фамилии Л. Лиондора, Л. Вилдштейна, И. Герцберга, Л. Гермайзе (его же рукопись — на немецком языке). Без указания автора была представлена в 1843 году рукопись «Ситуре Майот, т. е. Разные повести» (издано в 1845 году) [72].

Всего в цензуру было представлено (по подсчетам автора): в 1837—43, в 1838—51 и в 1841—44 годах соответственно — 58, 36, 75 и 71 еврейских сочинений. Известны сведения и о количестве изданий в отдельные годы. В частности, за 9 месяцев 1839 года (отсутствуют данные за май, июль и август) было издано 44 еврейских сочинения, среди них «История России для еврейских юношей» М. Гинцбурга [73]. Данные о количестве изданных сочинений за 1841—43 годы по отдельным жанрам представлены в таблице [74].

Количество изданных сочинений (томов)			
Жанр	Год		
	1841	1842	1843
Богословский	32(34)	21(22)	21(21)
Философский	3(3)	2(2)	1(1)
Повести и романы	1(1)	2(2)	—
Юридический и исторический	3(3)	2(2)	1(1)
Полиграфический	10(10)	3(3)	7(7)
Итого	49(51)	30(31)	30(30)

Если сравнить эту таблицу с аналогичными данными за 1829—33 годы, то видно, что за десятилетие значительно выросло число издаваемых книг философского, художественного, юридического жанров и сохранилось примерно на том же уровне количество издаваемых книг богословских и «полиграфических» (речи, объявления). К последним, по-видимому, относятся и издававшиеся ежегодно еврейские календари.

В журнале Цензурного комитета за 1843 обращает внимание запись от 1 февраля под № 35 о представлении на цензуру рукописи «Ейне Комишес Гемельде» («Комические картинки») от «виленского еврея М. Хабада» [72]. Имеется и подпись М. Хабада о получении им рукописи обратно после досмотра. К сожалению, сборник прославленного мастера анекдотов так и не был издан при его жизни. Возможно, хозяева типографии сочли издание анекдотов несерьезным занятием. Но скорей всего, причиной отказа от издания послужило то, что книга была написана на идиш — языке, который в то время презрительно называли «жаргоном». Об отрицательном отношении типографов к изданию книг на идиш, а также об их позиции в конфликте между «маскилим» (просветителями) и хасидами, свидетельствует и их отзыв о рукописи «одесского 3-й гильдии купца Израиля Аксенфельда «Сефер Хасидим», содержащей в себе сатиру на учение и нравы хасидов». В своей объяснительной записке, в связи с запросом министерства народного просвещения о причинах отказа в издании книги, Р. Ромм и З. Типограф пишут (13 ноября 1841 года): «Что же касается рукописи „Сефер Хасидим", то так как она издается ни на каком чистом языке, а только употребительном простолюдинами из евреев и заключает в себе лишь одно порицание еврейских сект хасидимов с чрезвычайным охулением как самих сект и раввинов их, и неприличными развратными и шуточными выражениями против обрядов и поведения их, а потому, по мнению нашему, книга эта не принесет никакой общей пользы, но еще причинит в народе еврейском несогласие, вражду и разные ссоры...» Далее компаньоны указывают, что книга вызовет недоверие хасидов к их типографии и большие убытки, так как члены «секты хасидимов заключающие в себе большую часть евреев... перестанут получать из нашей типографии еврейские книги вообще...» [75].

Из документов Цензурного комитета видно, что публикации на идиш в исследуемый период (до 1862 года) были очень редкими — издавались, как правило, комментарии к молитвенникам, учебники, объявления.

27 ноября 1845 года царь подписал новый указ о еврейских типографиях. Согласно этому указу, в Российской империи разрешалось действовать только двум еврейским типографиям — в Вильнюсе и Житомире (намеченная указом 1836 года типография в Киеве так и не была открыта). Контролировать деятельность еврейских типографий должны были директора раввинских училищ, открывавшихся в тех же городах в 1847 году. По-прежнему сохранялась цензура еврейских изданий, а также таможенный налог на еврейские книги, привозимые из-за границы. Был объ-

явлен откуп еврейских типографий — право на 12-летнее содержание типографии получал тот из «благонадежных евреев», кто предлагал большую сумму. Доход от содержания еврейских типографий шел в «пользу еврейских учебных заведений» [57].

В дополнительном царском указе от 8 января 1846 года предписывалось: 1. «Впредь до открытия раввинских училищ надзор за еврейскими типографиями возложить на местных директоров училищ, или особых чиновников... 2. Создать «...комиссию для осмотра работ Виленской еврейской типографии и составить список книг, которые начаты печатанием» и «...окончить оные... с назначением для сего трехгодичного срока...» [58].

В соответствии с этим указом надворный советник Корецкий составил перечень книг, «начатых печатанием в Виленской еврейской типографии по 18-е января 1846 года». В этом списке 50 наименований книг, в основном религиозного характера. Среди них — пять изданий Хумаша (Пятикнижие Моисея) различных форматов и с комментариями, в том числе — два издания с немецким переводом; повторные издания книг вильнюсского раввина А. Данцига «Хай Адам» и «Хохмат Адам», сборники молитв по обрядам литовских, польских, немецких и даже сефардских евреев. Ряд книг издан с переводом на «еврейско-немецкий» (идиш). Три книги светского характера — «Древняя еврейская история» С. Финна, его же — «Начальные правила русской грамматики» (с текстом на идиш), календарь на 5607 (1846—47) год. Тиражи большинства книг 4—6 тысяч экземпляров, максимальный тираж — у календаря (36500 экземпляров) [59].

Сохранились и подробные сведения о рукописях, просмотренных Цензурным комитетом в 1845—1848 годах. Среди них сочинения М. Гинцбурга, М. Натансона, З. Сегаловича, «кандидата медицины» И. Розенсона, С. Финна, И. Розенталя, Л. Мандельштама, В. Ингорна, К. Шульмана, А. Бен-Якоба, Б. Флейшера, Г. Магата, Ю. Гольдвасера, М. Бендетсона, А. Д. Лебенсона и др. Несколько учебников для изучения еврейского, русского, немецкого и др. языков представили Л. Гермайзе и минский еврей А. Вайнес. Янкель Гордон и слуцкий еврей Шлифер представили разнообразные варианты календарей на различных языках (еврейском, польском, немецком) на периоды в 57, 99, 152, 187, 255, 400, 433 и 490 лет. Две книги по иудаике на немецком языке представил сам цензор В. Тугендгольд (обе были изданы в 1848 году). Из «полиграфических» изданий интерес представляет «Возвещение на еврейско-немецком языке касательно открытия 2-классного израильтянского девицкаго училища», подготовленное в 1846 году А. Гиттельсом, содержателем (по-видимому, первого в Вильнюсе) училища для девочек. Были изданы также два портрета известного филантропа Мозеса Монтефиори в честь его пребывания в Вильнюсе и Минске. Типографы — евреи А. Дворжец, С. Блюмович, Р. Ромм, Зимель и Мовша Типографы издали ряд книг на польском языке. Всего в Цензурный комитет за 1845—1847 и десять месяцев 1848 года было представлено рукописей и книг еврейских сочини-

телей (по подсчетам автора) соответственно: 74, 9, 52 и 38 [76]. Издана была только часть этих сочинений.

Согласно контракту от 18 июня 1847 года вильнюсская еврейская типография была отдана «впредь до 1-го января 1859 года, в откупное содержание содержателю ныне существующей здесь Еврейской типографии Рубину Манесу Ромму за годовую плату до 27 ноября 1848 года по 1137 рублей серебром, а после сего времени 2274 рублей серебром» [60]. Кроме монопольного права печатания еврейских книг, Р. Ромм получил и разрешение на печать на всех прочих «европейских языках». В одном из пунктов контракта оговаривалось, что «с книг еврейских, ввозимых в Империю из-за границы и Царства Польского, взимать по 1,5 копейки серебром с печатного листа», что значительно повышало цену на ввозимые из-за границы еврейские книги и ограждало типографию Роммов от конкуренции. «Книги, относящиеся к наукам и языкознанию», таможенным налогом не облагались [61].

В документах на откуп типографии от 1847 года мы уже не встречаем упоминаний о Нахимовичах-Типографах. Известно, что весной 1848 года общая типография еще существовала. Об этом, в частности, имеется упоминание в письме попечителя Белорусского учебного округа от 19 августа 1847 года: «...отобранные на основании предложения его Сиятельства от 11 апреля 1846 года № 3261 от содержателей прежде бывшей в Вильне еврейской типографии, 15 одобренных цензурою еврейских сочинений, выданы были нынешнему содержателю Виленской еврейской типографии еврею Рубину Манесу Ромму» [62]. По-видимому, разрыв между компаньонами произошел в первой половине 1847 года, так как известны еще совместные издания «Манеса и Зимеля», датированные 1847 годом (типография Мовши Типографа действовала до его смерти в 1865 году). Разрыву, без сомнения, способствовало открытие в 1843 году сыновьями Зимеля, Мовшей и Хацкелем, собственной типографии в Каунасе и смерть в 1845 году 80-летнего Зимеля Типографа.

После 1847 года, когда в Вильнюсе было создано раввинское училище, готовившее общественных раввинов и преподавателей, а во многих городах черты оседлости — еврейские училища, растет число издаваемых Роммами светских и переводных изданий. Ряд книг печатается по государственным заказам. Всего в 1847—1857 годах, по сведениям Ю. П. Вартанова, издано 460 книг [77], т. е., в среднем, более 40 книг в год. В основном это были переиздания. Из сохранившихся черновых подсчетов, сделанных В. Тугендгольдом [78], известно, что в цензуру в 1852—1856 годах было представлено соответственно 13, 24, 27, 32 и 25 еврейских рукописных сочинений, однако только часть из них была издана. Ряд сведений о книгах, изданных в 30-е — 50-е годы, и их тиражах можно найти в статьях П. Кона [79].

Постепенно увеличивается объем деятельности типографии. Однако типография несла ущерб от «беспошлинного ввоза в Империю еврейских книг, издаваемых в Царстве Польском». По-видимому, этот ущерб был достаточно велик. Из переписки Рубина

Ромма с виленским военным губернатором Бибиковым и министерством народного просвещения от 1853 года видно, что губернатор согласился покрыть частично эти убытки в размере годовой арендной платы, однако Рубин Ромм считал эту сумму недостаточной. Из тех же документов можно сделать вывод, что Р. Ромм для гарантии уплаты им откупной суммы заложил свою типографию, которая была застрахована им на сумму 10 тысяч рублей [63].

В отсутствие Р. Ромма делами управляла его жена Мирка. Представляет интерес доверенность, посланная ей Р. Роммом из Петербурга и начинающаяся словами «любезная супруга моя, Мирка Матле Гавриелева. С разрешения Министерства народного просвещения...» Сохранилось также ее прошение в адрес канцелярии Виленского учебного округа, заканчивающееся фразой: «За мать мою Мирку Рубинову Роммову, яко грамоту не знающую, по приказанию ее расписался сын Давид Ромм» [69]. Речь, по-видимому, шла о незнании русской грамоты.

Рубин Ромм умер в 1858 году. Типографию наследовал его сын Давид. Так же, как и Рубина Ромма, его беспокоила конкуренция в связи со ввозом еврейских книг из-за границы. В письме от 23 сентября 1858 года он жаловался в Виленский учебный округ: «Осведомился я, что некоторые лица в подрыв содержимой мною в г. Вильне еврейской типографии, занимаются печатанием за границей, как-то в Кенигсберге и Лейпциге еврейских книг и водворяют таковые в Империю беспошлинно...» [64]. Однако монопольное положение типографии Роммов позволяло ей получать достаточную прибыль за счет высоких цен на книги. «Напечатание... в Вильне обходится мне очень дорого, так что труд мой не вознаграждается»,— писал первый еврейский романист А. Мапу в 1857 году [65].

В 1859 году истек срок контракта на откуп типографии, заключенного Р. Роммом. Контракт был продлен Давидом на очередной срок. Однако вскоре, в феврале 1860 года, Давид Ромм умирает. Типография была оставлена за «наследниками покойного Давида Ромма: женою Деборою Ромм и братьями Янкелем и Манесом Роммами до истечения срока контрактам, заключенным с Давидом Роммом, на право печатания и распродажи книг для учебных заведений Виленского учебного округа, а равно и арендное содержание Виленской еврейской типографии...»,— сообщал Цензурному комитету попечитель Виленского округа Е. Врангель [66].

Так возникла знаменитая фирма «Вдова и братья Ромм». Она действовала уже в новых условиях, сложившихся после выхода в апреле 1862 года очередного постановления о еврейских типографиях [67]. Были сняты ограничения на деятельность еврейских типографий; на них были распространены общие правила, действовавшие на территории Российской империи. Начался новый этап в истории еврейского книгопечатания в Литве.

4. ИЗДАНО ВПЕРВЫЕ

Подавляющее большинство книг, изданных в типографии Роммов, имеет религиозный характер. Среди них в рассматриваемый период выделяется вышеупомянутое (см. часть 2) издание Вавилонского Талмуда (1835—1854). Из наиболее крупных изданий нельзя не отметить Библию, переведенную Моисеем Мендельсоном (1729—1786) при активном содействии известного поэта периода Хаскалы и преподавателя Вильнюсского раввинского училища (ВРУ) А. Д. Лебенсона (1794—1878) и напечатанную на немецком языке, но еврейскими буквами. В биографии Лебенсона отмечается, что «это издание в 17-ти томах (1848—1853; все книги Библии были отпечатаны в 1848—50 годах, но доработка текста и переклейка множества перепечатанных листов продолжалась еще три года [97] — *Г. А.*) сыграло большую роль в просвещении российских евреев и часто служило им пособием для изучения немецкого языка» [80]. Ряд комментариев к Библии Лебенсон подготовил и издал самостоятельно. В своем письме на имя директора ВРУ К. Павловского от 10 октября 1858 года он пишет: «Будучи уже 11 лет преподавателем еврейского языка в... Раввинском училище, я имел случай удостовериться, что причиной слабого распространения еврейского языка в народе служит единственно недостаточность комментариев Библии — первобытного источника, из которого получаются грамматика и словесность этого языка. Это обстоятельство побудило меня к составлению новых объяснений на Библию на еврейском языке („Новые комментарии", Вильно, 1858)» [81]. По-видимому, об этих же комментариях идет речь в письме министра народного просвещения от 27 марта 1859 года: «...я разрешаю принять в руководство при преподавании Библии в Виленском Раввинском и в прочих еврейских училищах вверенного Вам учебного округа, изданное учителем Виленского Раввинского училища Лебенсоном сочинение под заглавием „Биурим Хадашим" (комментарий на книги Иеремии, Иезекииля и 12 меньших пророков)...» [82]. Пользовались популярностью в еврейских массах и изданные Роммами стихи А. Лебенсона. Об этом свидетельствует письмо директора ВРУ от 3 ноября 1861 года: «Старший учитель вверенного мне раввинского училища Лебенсон, в изящной литературе по своим сочинениям занимающий место между первыми еврейскими поэтами, обнародовал 2-е издание своих стихотворений под заглавием „Ширей Сефат Кодеш", которых 1-е издание пред 20 годами имело большой прием в Еврейском обществе...» [83]. В типографии Роммов были напечатаны все основные произведения Лебенсона и его рано умершего

сына Михи Лебенсона (1828—1852) — еврейского лирического поэта.

Одно из первых мест среди еврейских писателей 1-й половины XIX-го столетия занимает Мордехай Гинцбург (1896—1846), автор многочисленных произведений. Большинство его книг было издано в виленской еврейской типографии (см. части 1 и 3 данной публикации).

Вильнюс был единственным городом в Российской империи, где можно было печатать еврейские сочинения светского характера. Здесь в начале XIX-го века были изданы книги «предтечи» Хаскалы, одного из известнейших учеников Виленского Гаона и знатока Талмуда Менаше Ильера (1767—1831), прожившего большую часть своей жизни в местечках Илья и Сморгонь, недалеко от Вильнюса (теперь Белоруссия). Вот что пишет о нем С. Дубнов: «Самоучкою обитатель литовского захолустья усваивал все, что мог, из области общих знаний, и это немногое давало в его уме обильные всходы. В 1807 г. Менаше выступил с книжкою „Решение вопроса" („Pescher dabar"), где излил свою скорбь по поводу оторванности раввинов от действительной жизни и живого знания. Еще во время печатания книжки в Вильне фанатики грозили автору тяжелыми последствиями, но угрозы его не остановили. После выхода книги в свет многие раввины ее сжигали и всячески препятствовали ее распространению... Спустя десять лет, живя временно в гнезде хасидизма — Волыни, Менаше стал печатать свой религиозно-философский трактат „Alfe Menasche", но типограф, узнав по первым отпечатанным листам о еретическом содержании книги, сжег ее вместе с рукописью. Автор с трудом восстановил текст казненной книги и издал ее в Вильне (1822)...» [84].

Единомышленником Ильера был известный просветитель середины XIX-го столетия М. Плунгянский (Плунгян, 1814—1883), активно пропагандировавший взгляды Ильера и издавший книгу о жизни своего духовного учителя. Оценка этой книги содержится в письме попечителя Виленского учебного округа Грубера от 23 мая 1856 года в адрес министра народного просвещения. Эта оценка представляет интерес, так как несомненно, что она содержит не только точку зрения автора письма, но и одного из виднейших вильнюсских просветителей, цензора еврейских книг В. Тугендгольда (1796—1864) — активного сторонника светского еврейского просвещения и ассимиляции. Вот что пишет Грубер: «Учитель обрядов еврейской веры и религиозно-нравственного учения при Виленском еврейском училище 1-го разряда Мордахес Плунгянский представил мне рукопись на еврейском языке своего сочинения под названием „Бен Порас", написанного им преимущественно с целью убедить своих единоверцев в необходимости изменения многих древних талмудических постановлений, не соответствующих времени и местным обстоятельствам, причем он старается основывать дозволительность таковых изменений на самом духе раввинизма и выводах из Талмуда. По неимению собственных средств к напечатанию сего сочинения, Плунгянский просит меня об оказании ему от казны пособия на издание оных.

Цензор еврейских книг Тугендгольд, которому я поручил рассмотреть вышеозначенное сочинение Плунгянского, совершенно одобряет оное по благонамеренности его цели и признает, что сочинение это может иметь самое лучшее религиозное и нравственное влияние на здешних евреев и должно произвести тем большее на них действие, что все заключения и выводы автора основаны на глубокой талмудической учености» [85].

Книга М. Плунгянского, посвященная М. Ильеру, была напечатана в Вильнюсе в 1858 году.

В типографии Роммов были изданы и основные труды «отца российской Хаскалы» жителя Кременца на Волыни И. Б. Левинзона (1788—1860): «Теуда бе Исраель» («Миссия в Израиле», 1828), «Бет Иехуда» («Дом Иехуды», 1839). В этих книгах Левинзон, резко критикуя традиционное еврейское образование, призывал евреев постигать светские науки. Особое значение он придавал изучению русского языка. Левинзон предлагал создать специальные школы для мальчиков и девочек, где они, наряду с религиозными и светскими предметами, будут изучать и ремесла, призывал евреев к занятиям земледелием. Книги Левинзона были переизданы в Вильнюсе соответственно в 1856 и 1858 годах, а часть тиража распространена в качестве учебных пособий в еврейских училищах. Об этом свидетельствует Левинзон в своем письме от 16 сентября 1858 года в адрес попечителя Виленского учебного округа: «По условию, заключенному с правительством, я договорился по напечатанию в Виленской еврейской типографии новодополненного мною сочинения под заглавием „Бет Иехуда", 400 экземпляров оного представить в управление Вашего Превосходительства для роздачи в казенные еврейские училища...» [86]. В другом письме от 24.10.1858 года «по случаю тяжкой болезни господина Левинзона» подписанном его помощником «штаб-офицерским сыном Котковским», сообщается, что автор не может предоставить сведения, подтверждающие его договоренность «о напечатании и распространении в училищах сочинения моего под заглавием „Бет Иехуда" из-за одержимой девятимесячной болезни и уже почти смертной» [87]. Подтверждение договоренности об издании книги было вскоре получено в Вильнюсе от самого министра народного просвещения. В своем письме от 18 декабря 1858 года министр Е. Ковалевский сообщал: «В исполнение Высочайше утвержденного положения Комитета об устройстве евреев, предместник мой в 1857 году сделал распоряжение о приобретении для еврейских училищ от еврейского писателя Исаака Бер-Левинзона, живущего в г. Кременце, 800 экземпляров сочинения его, под названием „Бет Иехуда"...» Далее министр сообщает, что книги должны быть распространены в Виленском, Киевском, С.-Петербургском и Дерптском учебных округах «для употребления при упражнении в чтении» [88].

Представляет интерес и оценка другой известной книги И. Б. Левинзона «Теуда бе Исраель», содержащаяся в письме этого же министра от 22.02.1856 года: «Состоящий при министерстве Народного просвещения Комитет еврейских учебных руководств,

рассмотрев по моему поручению сочинение Исаака Бер Левинзона под заглавием „Теуда бе Исраель", нашел, что книга эта написана в видах благонамеренного просвещения евреев, обращения их к земледелию и для внушения им покорности и преданности Престолу и Отечеству; слог ее чист и содержание взято из признанных в еврейской литературе древних и новых авторитетов». Далее министр предлагает использовать «означенную книгу в училищах 1-го и 2-го разрядов для чтения, а в Виленском раввинском училище при преподавании духовного красноречия и нравоучения» [89].

В борьбе с антиеврейскими предрассудками большую роль стала играть изданная Роммами книга И. Б. Левинзона «Эфес дамим» («Довольно крови», 1837). В этой книге, написанной вслед за кровавыми наветами в Тельшае (1827) и Изяславе (1830), Левинзон осудил средневековые мифы, широко распространенные в тот период в Российской империи. В связи с актуальностью рассматриваемого в книге вопроса и для других государств труд Левинзона в дальнейшем неоднократно переиздавался, в том числе в Германии, Англии и России.

Издание книг И. Б. Левинзона, сторонника ассимиляции евреев, поддерживалось российскими властями. Владельцы Виленской еврейской типографии, пытаясь подчеркнуть свою лояльность, писали в ноябре 1841 года: «Мы никогда не отказывались и не отказываемся от печатания в своей типографии новых книг, одобренных цензурой, и особенно изданий ученых евреев нынешнего времени, как заключающих в себе литературу, нравоучительные, философские и другие полезные предметы, как например, издания ученого еврея, живущего в Волынской губернии, в Кременце, Б. Левинзона, под названием „Теуда бе Исраель", „Эфес дамим" и „Бет Иехуда", а также минского гражданина Я. Каплана под названием „Эрец Кодумим" (Древняя география Палестины)...» [90].

Постепенно количество выпускаемых Роммами светских изданий увеличивалось. Во многом это связано с открытием в 1847 году в Вильнюсе раввинского и двух казенных еврейских училищ, а затем — с появлением казенных училищ во многих городах черты оседлости.

В частично сохранившихся списках книг, печатавшихся Роммами в 1855—1857 годах, мы видим «Приключения Телемаха», переведенные на еврейский язык Б. Каганом, «Статьи по географии древней Палестины и истории евреев после разорения второго Храма» К. Шульмана и его же перевод «Парижских тайн» Э. Сю, «Повесть о Бове», сочинения преподавателей Вильнюсского и Житомирского раввинских училищ А. Лебенсона, И. Шерешевского, Л. Цвейфеля и др. В этих же списках за 1857 год находится и первая публикация крупнейшего еврейского поэта XIX-го столетия Иехуды-Лейбы (Лейбы) Гордона (1830—1892) «Давид и Михал» [91].

Славу И. Л. Гордону принесла его вторая книга «Мишле Иехуда» («Еврейские басни»). Из сохранившейся переписки по поводу издания басен видно, что они были благожелательно приняты современниками. Вот что пишет сам автор (8 августа 1858 года) по

поводу двух своих первых книг в письме на имя попечителя Виленского учебного округа Е. Врангеля: «Поощряемый успехом первого своего сочинения „Давид и Михал", романтической поэмы из Св. Писания, изданной в Вильно 1856 года и снискавшей лестный прием многих как внутренних, так и заграничных ученых и одобрение литературных газет, я предпринял издание нового труда своего „Мишле Иехуда". Это собрание отборнейших басен — оригиналов, подражаний и переводов, из древних и новых авторов, писанных стихами на чистом еврейском языке... Я подвергнул труд свой рассмотрению многих ученых и, получив ото всех единодушное одобрение, приложил некоторые к своему сочинению, как то: мнение доктора Леттериса* в Вене,... письмо ученого И. Б. Левинзона из Кременца и стихотворение известного еврейского поэта Лебенсона из Вильны...» Далее Гордон просит, «чтобы... приказано было всем казенным еврейским училищам приобрести по несколько экземпляров... и ходатайствовать мне на предмет печатания предварительного отпуска некоторой суммы, так как собственные средства мои как учителя (в 1853—1860 годах И. Л. Гордон преподавал в Паневежском еврейском училище — *Г. А.*)... весьма недостаточны» [92]. Одобрительную оценку книге Гордона дали известные вильнюсские еврейские писатели и общественные деятели В. Тугендгольд и С. Финн [93]. Однако, ввиду отрицательного мнения о книге члена «Комитета рассмотрения еврейских учебных руководств» Г. Зейберлинга [94], дотацию на издание Гордон не получил и был вынужден издать ее в 1859 году за свой счет. Благодаря содействию С. Финна, занимавшего официальные должности «ученого еврея» и «наблюдателя за преподаванием еврейских предметов» при попечителе Виленского учебного округа, книга была закуплена для библиотек всех 106 еврейских училищ, существовавших в этот период в Российской империи.

Необходимо отметить, что С. Финн (1818—1890), сделавший многое для издания книги молодого поэта, сам также был одним из крупнейших еврейских писателей и ученых середины XIX-го столетия. Все основные его труды были изданы в вильнюсских типографиях. Ранее (в части 3 данной публикации) уже упоминались некоторые из его книг. Наиболее известной книгой Финна стала изданная им в 1860 году «Кириа Неемана» («История евреев в городе Вильна»), в подготовке которой ему помогали известные еврейские ученые М. Страшун и Г. Штейншнейдер (Г. Маггид). Это была первая книга по истории вильнюсских евреев, написанная на еврейском языке.

С типографией Роммов связано издание всех книг А. Мапу (1808—1867), первого еврейского романиста. Рассказывая о своем творчестве в письме от 1857 года, он пишет, что изданный им в 1853 году роман «Любовь Сиона» «очень охотно читаем». Далее в том же письме он сообщает: «В 1856 году предпринял я сатирический роман в три тома. Из них первый, под названием „Пестрая

---

* М. Леттерис (1800?—1871) — еврейский поэт, переводчик и издатель. Родился в г. Жолква около Львова, с 1848 года жил в Вене.

птица или Ханжа", издан мною в Вильне в 1857 году. Из 2000 напечатанных экземпляров сбыто 800...» [98]. Последний крупный роман А. Мапу «Вина Самарии» был также напечатан в Вильнюсе (в 1865 году).

Будучи крупнейшим на территории Российской империи центром еврейского просвещения, Вильнюс очень нуждался в собственном периодическом издании. Попытку подобного издания предпринял С. Финн еще в начале 40-х годов. В 1841, а затем в 1843 годах он издал два номера альманаха «Пирхей Цафон» («Северные цветы»), однако из-за противодействия цензуры продолжить свое начинание в тот период не смог. По-видимому, мысль о еврейском журнале не оставляла С. Финна и в последующие годы. В архивной описи за 1856 год числится дело «О прошении состоящего при управлении Округа ученого еврея Финна о дозволении издавать ему в Вильне на свой счет еврейский журнал под названием „Гакармель" [95]. К сожалению, это дело в архиве не сохранилось. Разрешение на выход журнала было получено только в 1859 году. Журнал должен был издаваться по утвержденной программе, состоящей из 5 частей (отделений):

«1. Действия правительства. Высочайшие повеления и министерские распоряжения относительно евреев...

2. Библейская и раввинская литература...

3. Словесность и науки...

а) стихотворения нравственно-религиозного содержания, оригинальные и переводные... Для образования поэтического вкуса будут помещены произведения лучших еврейских поэтов...

б) прозаические статьи, оригинальные и переводные, поучительного содержания, как то: из естественной истории, путешествий по разным странам и тому подобное;

в) археологические изыскания и описания еврейских древностей;

г) очерки по истории просвещения и гражданского образования евреев в прошедшем и настоящем веке;

д) биографические знаменитости людей всех народов;

4. Разные известия.

а) об еврейских ученых и учебных заведениях в России и других странах...

б) о колониях еврейских и движении их;

в) о фабриках, заводах, содержащихся евреями;

г) сведения по предметам земледелия, промышленности, торговле и технологии...

5. Новости и смесь» [96].

Первый номер журнала «Гакармель» вышел в типографии Роммов в июне 1860 года. Издавался журнал на древнееврейском, а его приложение — на русском языке. С 1862 года, после снятия ограничений на еврейские типографии, журнал печатался в собственной типографии С. Финна, созданной им совместно с А. Розенкранцем,— вначале еженедельно, а в 70-е годы ежемесячно. Выходил журнал до 1880 года. «Гакармель» стал одним из первых еврейских периодических издания в Восточной Европе.

Почти одновременно с «Гакармелем» появились еще два еженедельника: в 1856 году в городе Лык в Восточной Пруссии (теперь Элк, Польша) начал выходить «Ха-Маггид»; в 1860 году, в Одессе — «Ха-Мелиц».

Еврейские типографы издавали книги и на языках других национальностей, проживающих в Литве. Особенно много книг вышло на польском языке, среди них «История Литвы для детей», изданная А. Дворжецом в 1836 году и затем переиздававшаяся. В 1830 году тот же А. Дворжец предал тиснению «Науку письма польского для малых детей». В дальнейшем этот учебник неоднократно переиздавался в типографиях Дворжеца, Блюмовича, Неймана, З. Типографа, «Манеса и Зимеля», Р. Ромма. В 1829 году в типографии Зимеля Шрифтгиссера (Нахимовича?) был издан «Новый российско-польский словарь», в типографии М. Ромма (1839 год) — «Таблица российско-немецко-польская, составленная в пользу юношества» (по-видимому, трехязычный словарь — *Г. А.*). В 1830 году «Манес и Зимель» издали (а затем неоднократно перепечатывали в 1842, 1843, 1844 и т. д. годах) учебник литовского языка для детей «Mokslas skaytima raszta lietuwiszka diel mažu wayku» (по сведениям Г. Шулькиной, это было переиздание книги 1766 года [99]), а спустя два года они же выпустили в свет «Kalbrieda ležuwio žiamaytiszko»; в 1829 году Б. Нейман напечатал «Daynas žemayczis» С. Станявичуса и его же (а также К. Донелайтиса) сказки. Ряд книг был издан на русском и немецком языках.

Семьи Роммов и Нахимовичей-Типографов внесли громадный вклад в развитие книгопечатания в Литве. И если имя Роммов — создателей крупнейшей в Литве типографии, достаточно известно, то имя Типографов оказалось забытым. А их нужно помнить хотя бы по трем причинам,— представители этой семьи выпустили первую на тогдашней территории Литвы еврейскую книгу, создали образцы первоклассных шрифтов на разных языках, открыли одну из двух первых, и крупнейшую в Каунасе, типографию. Созданные Роммами и Типографами предприятия продолжают работу и в настоящее время, издавая, в том числе, и еврейскую религиозную литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Принятые сокращения: ЦИАЛ — Центральный исторический архив Литвы
ПЦИА — Петербургский Центральный исторический архив
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

1. ЦИАЛ, ф. 378BS (1836 г.), д. 1543, л. 13.
2. Равин Д. Гродно. «Энциклопедия диаспоры». Т. 9. Иерусалим. (иврит).
3. Drukarze dawnej Polski, z. 5, л. 95, 222—223, Вроцлав-Краков, 1959.
4. Merkys V. Сборник «Spauda ir spaustuvės. Iš lietuviu kultūros istorijos». Вильнюс: «Mintis», 1972. С. 142—239.
5. Шацкий Я. Сборник «Лите». Нью-Йорк, 1951. Т. 1. С. 701 (идиш).
6. ЦИАЛ, ф. 378BS (1803 г.), д. 480, л. 5—6, 10.
7. Encyclopedia Judaica. Иерусалим, 1973. Т. 16. С. 147—148 (статья «Vilna»).
8. «Еврейская энциклопедия», статья «Вильна». СПб., 1909. Т. 5. С. 590.
9. Ран Л. Литовский Иерусалим. Нью-Йорк, 1974.
10. ЦИАЛ, ф. 378BS (1803 г.), д. 212, л. 2.
11. Там же, л. 8. В настоящее время в помещении бывшего монастыря Св. Георгия (Св. Юргиса) находится филиал Национальной библиотеки Литвы, в т. ч. и сектор иудаики.
12. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 3.
13. Фридберг Х. Б. «История еврейских типографий в Польше». Тель-Авив, 1950 (иврит).
14. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 28.
15. Каталог выставки «Jüdische Lebenswelten». Берлин, 1991. С. 142.
16. ЦИАЛ, ф. 378BS (1821 г.), д. 104, л. 2—11.
17. ЦИАЛ, ф. 721, оп. 1, д. 90, л. 1.
18. ЦИАЛ, ф. 378BS (1844 г.), д. 903, л. 9—10.
19. ЦИАЛ, ф. 420, оп. 1, д. 13, л. 196, 222, 223.
20. Там же, л. 238. Теперь это улица Кармелиту, 7
21. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 60, л. 4—5.
22. ЦИАЛ, ф. 378BS (1803 г.), д. 480, л. 21—38.
23. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 6.
24. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 8.
25. ПЦИА, ф. 772, оп. 1, 233.
26. ЦИАЛ, ф. 721, оп. 1, д. 73, л. 4.
27. Там же, л. 103.

28. ПСЗ, № 9649, 1836 г.
29. ЦИАЛ, ф. 378BS (1843 г.), д. 360, л. 3.
30. ЦИАЛ, ф. 378BS (1836 г.), д. 1543, л. 90.
31. Там же, л. 13—16; 82.
32. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 27, л. 1.
33. Там же, л. 2—5.
34. ЦИАЛ, ф. 378BS (1836 г.), д. 1543, л. 33—36.
35. Там же, л. 71—73.
36. Там же, л. 86—87.
37. Там же, л. 37—58.
38. Там же, л. 91—105.
39. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 27, л. 16—18.
40. ЦИАЛ, ф. 378BS (1836 г.), д. 1543, л. 124—127.
41. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 27, л. 19—21.
42. Дубнов С. Новейшая история еврейского народа. Берлин: «Грани», 1923. Т. 2. С. 166—167.
43. ПСЗ, № 8054, 1835 г.
44. Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стлб. 313—314.
45. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 42, л. 7—8.
46. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 81, л. 6.
47. ПЦИА, ф. 772, оп. 1, д. 904.
48. ПЦИА, ф. 772, оп. 1, д. 233, л. 84.
49. ЦИАЛ, ф. 378BS (1841 г.), д. 931, л. 15—22.
50. ЦИАЛ, ф. 378BS (1843 г.), д. 337, л. 3.
51. ЦИАЛ, ф. 378BS (1836 г.), д. 1543, л. 162—163.
52. Там же, л. 164, 183—185.
53. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 27, л. 28—29.
54. ЦИАЛ, ф. 378BS (1843 г.), д. 360, л. 3—4.
55. Там же, л. 5.
56. ЦИАЛ, ф. 378BS (1844 г.), д. 903, л. 8—10.
57. ПСЗ № 19474, 1845 г.; ЦИАЛ, ф. 378BS (1846 г.), д. 1071, л. 1—3.
58. ЦИАЛ, ф. 378Bs (1846 г.), д. 1071, л. 9—10.
59. Там же, л. 14—22.
60. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 72, л. 19.
61. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 27, л. 33.
62. Там же, л. 30.
63. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 157, л. 1—4.
64. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 634, л. 1.
65. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 543.
66. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 27, л. 35.
67. ПСЗ, № 38213, 1862 г.
68. ЦИАЛ, ф. 389, оп. 3, д. 48, л. 204—205.
69. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 157, л. 7, 9.
70. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 28.
71. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 58.
72. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 45.
73. ПЦИА, ф. 772, оп. 1, д. 1204.

74. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 60.
75. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 43, л. 4—5.
76. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 67.
77. Вартанов Ю. П. Из истории крупнейших еврейских издательств Вильны XIX века: Типография-издательство Ромм (в печати).
78. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 134.
79. Кон П. Кириат Сефер. Иерусалим, 1933. Т. 10; 1935, т. 12 (иврит).
80. Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 4. Стлб. 708—709.
81. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 649, л. 6.
82. Там же, л. 1.
83. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 916, л. 2.
84. Дубнов С. «Новейшая история еврейского народа». Берлин: «Грани», 1923. Т. 2. С. 211—212.
85. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 431, л. 1—2.
86. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 604, л. 3.
87. Там же, л. 5.
88. Там же, л. 6—7.
89. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 414, л. 1.
90. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 43, л. 4.
91. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 321 и 338.
92. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 625, л. 2—3.
93. Там же, л. 12—14, 20
94. Там же, л. 10—11.
95. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, запись от 19.07.1856 г.
96. ЦИАЛ, ф. 1240, оп. 1, д. 157, л. 1—2.
97. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 28 и 113.
98. ЦИАЛ, ф. 567, оп. 6, д. 543, л. 1.
99. Шулькина Г. Развитие книгоиздательского дела Вильнюса в первом тридцатилетии 19-го века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (рукопись). Ленинградский институт культуры им. Н. К. Крупской (1969).

פירוש
על כמה אגדות

מאת אדונינו מאור עינינו הגאון [illegible] מורינו ורבינו [illegible] הגאון
החסיד והמפורסם גדול שמו בישראל [illegible]
[illegible] כבוד קדושת [illegible] הגדול [illegible]
[illegible] רבינו אליהו זלה"ה מווילנא

[illegible] על אפניו
[illegible] של תורה [illegible]
[illegible] אשר [illegible] ואשרי
[illegible] אשר [illegible] דור אחרון

הובא לבית הדפוס ע"י [illegible]

[illegible] צענזור צו ריגע

פה ק"ק ווילנא

שנת יראו ישרים וישמחו

[illegible]

אפס דמים

הוא

אגרת התנצלות בדרך ויכוח

נגד

עלילת דם שנתחדשה בימינו

כה אמר אדני יהוה
יען אמרים לכם אכלת אדם את וגו׳
ולא־אשמיע אליך עוד כלמת הגוים
וחרפת עמים לא תשאי־עוד
(יחזקאל ל״ו י״ג ט״ו) (עיין אברבנאל בפירושו שם)

ווילנא

שנת תקצ״ז לפ״ק

ЕФЕСЪ ДАМИМЪ

т. е.

Ненадобно Крови или защищеніе Израилей отъ обвиненіи, будто бы они употребляютъ христіянскую кровь на праздникъ Пасхи.

ВИЛЬНО

Въ Типографіи Манеса Ромма, и Зымела Типографа:

1837

בית יהודה

יסודתו

בהררי קדש הדת

בנוי

על התשובות הכלליות אשר השיבותי

בר״ח אייר תקפ״ז

להשר הגדול הרוזן החכם המפורסם המלומד הנפלא התעודי

אמנויל ליפן ירה

שאלות הרוזן הזה הלא הנה כתובות בהקדמת הספר הזה ·

אל־תבח ביקנה אבק ·

(משלי כ״א פ״ט כיאור
מתלמיד דגנבי גרנות) ·

ווילנא

על יד׳ מנחם מן ב״ר ברוך ז״ל · ור׳ שמחה זימל ב״ר מנחם נחום ז״ל

שנת תקצ״ט לפ״ק

БЕСЪ ЕГУДА

т. е.

Домъ Егуды или исторія разпространенія Еврейской вѣры.

ВИЛЬНО.

Въ Типографіи М. Ромма и З. Типографе.

1839.

ТАЛМУДЪ ЛАШОНЪ РУССІЯ

то есть

НАЧАЛЬНЫЯ ПРАВИЛА РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

НА НѢМЕЦКО-ЕВРЕЙСКОМЪ ДІАЛЕКТѢ

въ пользу

ОБУЧАЮЩИХСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ

составлена

САМУИЛОМЪ ІОСИФОМЪ ФИНОМЪ

Учителемъ Законо-Божія и Еврейскаго языка.

ВИЛЬНО

Въ Типографіи Манеса Ромма и Зимела Типографа.

1847.

משלי יהודה

קבוצת

משלי מוסר כתובים בשירים בלשון יהודית

מאת

יהודה ליב בן־אשר גארדאן

אל יהא המשל הזה קל בעיניך
שעל ידי המשל אדם יכול לעמוד בדברי תורה.
(שיר רבה א׳ ולשון)

ווילנא

בדפוס ר׳ יוסף ראובן בר׳ מנחם מן ראם

שנת תר״ב לפ״ק

МИШЛЕ ІЕГУДА,
т. е.
Іудейскія басни.
Сочиненія Лейбы Ошеровича Гордона

ВИЛЬНО.
въ Типографіи Р. И. Ромма

1859.

קריה נאמנה

והוא

קרות עדת ישראל בעיר ווילנא יצ"ו

תציונים לנפשות גאוניה, חכמיה, סופריה, נדיביה.

מאת יליד העיר הזאת

שמואל יוסף במהור"ר יצחק אייזיק פין

ווילנא

בדפוס ר' יוסף ראובן בר' מנחם מן ראם

תר"כ

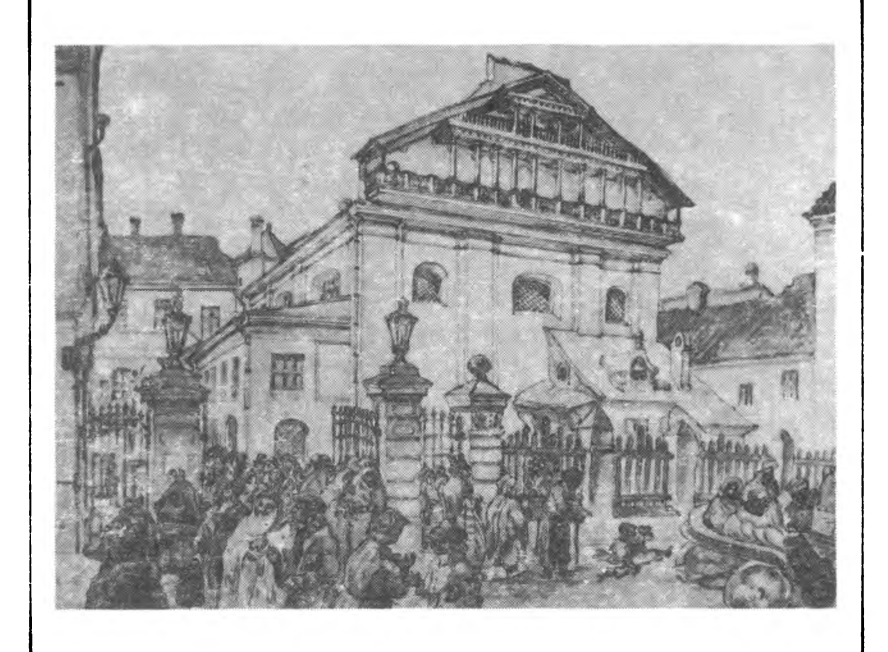
КИРІЯ НЕЕМАНА,

или Исторія Евреевъ въ Г. Вильнѣ и литературная ихъ дѣятельность, написана Самуиломъ Іосифомъ Финомъ.

ВИЛЬНО

въ Типографіи Р. М. Ромма.

1860.

Художник Ю. Камараускас.
Большая Вильнюсская синагога XIX в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Г. Аграновский

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ЛИТВЕ

Еврейский университет в Москве
Ул. Моховая, 9.

The research «The Development of Jewish Publishing Houses in Lituania» by Genrich Agranovsky (DSc., Lituanian State Jewish Museum) is devoted to the first (initial; from the end of XVIII century till 1836) & the second (a monopolistic one, as author called it; from 1836 till 1862) periods of Jewish printing under the Russian government. The author is mainly interested in the activity of several generations of famous publishers – Romms & Nachimoviches (Typographes).

G. Agranovsky examines in details different trends of Romms–Nachimoviches' publishing politics, their relationship with Russian authorities, with Jewish publishers in Lituania (for example, A. Dvoržets, S. Blumovich & others) and, in the end, the contradictions between Romms & Nachimoviches themselves.

The book is based on the unknown archive materials, the most of which had never been published before. No doubt this book is very useful not only for specialists, but for the common readers too.